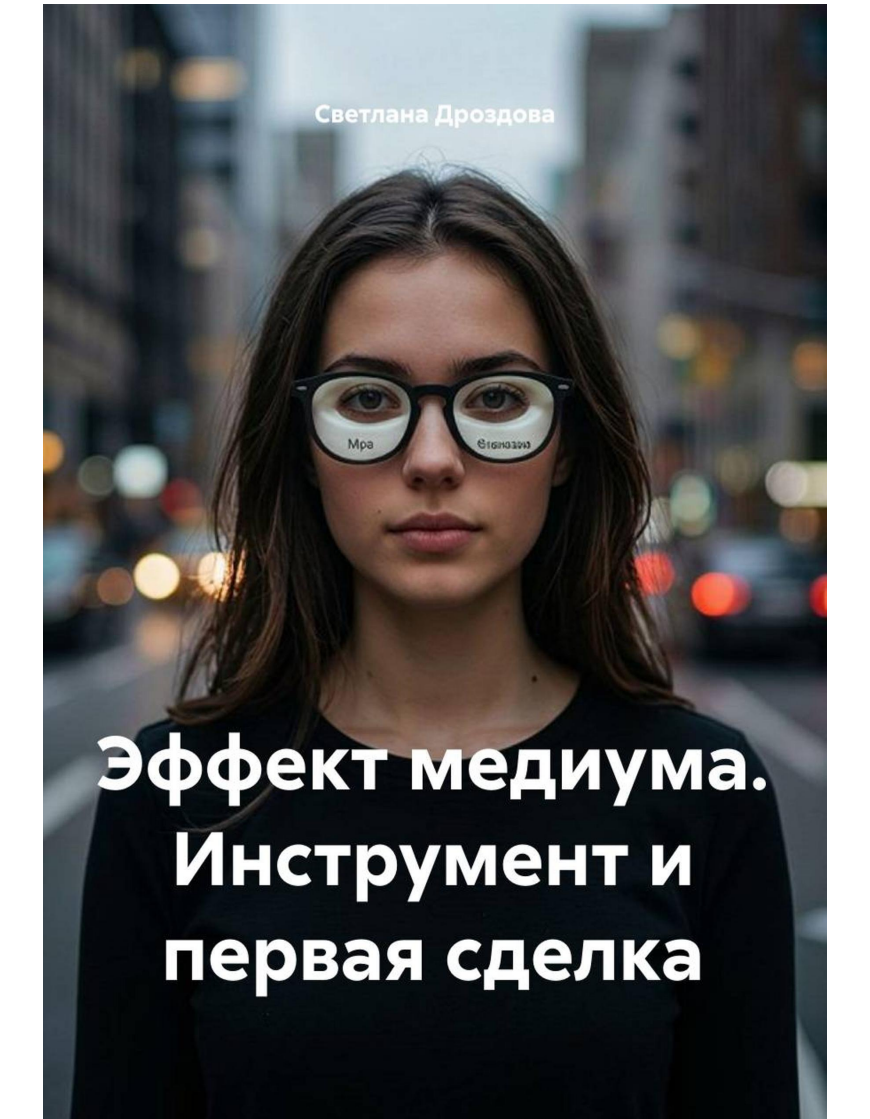

Светлана Дроздова

Эффект медиума. Инструмент и первая сделка

Светлана Дроздова
Эффект медиума.
Инструмент и первая сделка

<https://litres.ru/74463964>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мира — циничный тестировщик из техподдержки, чья жизнь состоит из просроченных йогуртов, кредитов и ненависти к будильнику. Всё меняется, когда брат присылает ей странные очки, показывающие правду: над людьми и вещами всплывают теги с их слабостями, ложью и страхами. Мира узнаёт о загадочной системе «Горизонт» и получает предложение от таинственного Александра.

Так начинается её путь от серой мыши до хладнокровного оператора, способного видеть баги в людях и корпорациях. Ломбард, банк «Атлантик», Совет директоров — она поднимается по карьерной лестнице, используя шантаж, манипуляции и украденные данные. Но чем выше она забирается, тем яснее понимает: банк — лишь песочница. Настоящие игроки управляют миром из тени. А её собственная боль — не баг, а главный ресурс системы.

«Баг-репорты» — это история о власти, предательстве и цене правды.

Светлана Дроздова

Эффект медиума.

Инструмент и первая сделка

Глава 1. Среда. 08:47. Уровень pH — 3.0

1.

Будильник зазвенел ровно в 7:30. Мира открыла глаза за секунду до того, как динамик смартфона издал первый противный писк. Она всегда просыпалась за секунду до будильника. Это не был дар, это была привычка, выработанная годами ненависти к резким звукам. Она ненавидела будильник так же сильно, как ненавидела утро, людей, которые просыпаются с улыбкой, и особенно тех, кто говорит «доброе утро» с восклицательным знаком.

Стеклянный потолок студии встретил ее серым, мутным светом. Окна здесь были от пола до потолка, что звучало как преимущество, когда она снимала эту квартиру два года на-

зад. «Панорамный вид на город», — говорила риелторша, сверкая позолоченными зубами. «Панорамный вид на серое небо и такой же серый город», — поправила ее мысленно Мира тогда. Сейчас она смотрела в этот потолок и считала трещины. Трещин было семнадцать. Она знала их все по именам. Самая большая, извилистая, напоминала карту реки Амазонки. Маленькая, едва заметная у самого угла, появлялась каждый раз, когда сверху начинали сверлить соседи. Мира не была уверена, что трещины действительно появлялись от сверления, но ей нравилось думать, что мир рушится вместе с ее терпением.

Она перевела взгляд на стену напротив. Там висело зеркало в дешевой пластиковой раме, купленное в «Икее» за пятьсот рублей. В зеркале отражалась она — растрепанная, с темными кругами под глазами, которые не скрывала даже самая дорогая сыворотка. Мира не покупала дорогие сыворотки. Она покупала самую дешевую увлажняющую косметику в супермаркете через дорогу и убеждала себя, что разница между ней и кремом за пять тысяч рублей — это просто маркетинг. Маркетинг, как и всё в этом мире. Как акции стартапов, о которых она мечтала, но которые были так же далеки, как тот самый крем за пять тысяч.

Она закрыла глаза и позволила себе ровно две минуты тишины. Это был ритуал. Каждое утро она лежала неподвиж-

но и собиралась с силами, чтобы встать и начать день. Она не молилась — она не верила ни в какого бога, кроме закона Мерфи, который, как она была уверена, работал безотказно. Она просто лежала и думала о том, сколько лжи ей предстоит выслушать за сегодняшний день. На работе — от клиентов, которые врут, что перезагружали компьютер. От коллег, которые врут, что любят свою работу. От начальника, который врет, что заботится о команде. От самой себя, когда она смотрела в зеркало и говорила: «Сегодня будет хороший день».

Две минуты прошли. Мира открыла глаза, села на кровати и посмотрела на свои ноги. Пятки потрескались. Нужно было купить крем для ног, но она забыла уже три недели подряд. Она вообще забывала о себе постоянно. Ей казалось, что ее тело — это просто контейнер для мозга, который нужно кормить, мыть и иногда выводить на прогулку. Никакой любви к этому телу она не испытывала. В зеркале она видела женщину, которая уже не молода, но еще не стара. Женщину, которая могла бы быть красивой, если бы спала больше шести часов, ела нормальную еду и не ненавидела каждую минуту своей жизни.

Но она спала пять, ела то, что дешевле, и ненавидела всё.

Квартира встретила ее привычным запахом — смесью сы-

рости, старого ламината и кошачьего корма, хотя кота у нее не было. Запах шел от соседей снизу, где жили трое котов и одна женщина, которая, судя по звукам, кормила их тухлой рыбой. Мира ненавидела этот запах, но за два года привыкла. Она привыкла ко всему плохому, что было в ее жизни. Это был навык выживания.

Она встала, пошатнулась, ухватила за спинку стула. Голова слегка кружилась — она снова забыла поесть накануне вечером. Диета, которую она себе устроила, была не столько диетой, сколько отсутствием денег и желания что-то готовить. В холодильнике, она знала это, было пусто. Но она все равно открыла его, чтобы убедиться.

Холодильник был белым, дешевым, с ободранной ручкой. Внутри — пустая полка, на которой когда-то стоял йогурт. Йогурт стоял там и сейчас, но Мира помнила, что срок годности истек два дня назад. Она посмотрела на него, как смотрят на врага, которого нужно победить. Потом достала йогурт, открыла крышку и понюхала. Пахло кислым, но не смертельно. Она взяла ложку, села за крошечный кухонный столик, который одновременно служил рабочим местом, и начала есть. Йогурт был кислым и неприятным, но Мира чувствовала странное удовлетворение. Она не просто экономила — она побеждала систему, которая пыталась заставить ее покупать новый йогурт каждый день. Она ела просрочен-

ную еду, и ей это нравилось в извращенном смысле. Это было ее маленькое восстание против мира потребления.

— Кисломолочные бактерии, — пробормотала она в пустоту. — Единственные живые существа, которые меня не бесят.

Она доела йогурт, выбросила стаканчик в мусорное ведро, которое было переполнено, но она не выносила его уже три дня. Мусор лежал горкой, и сверху возвышалась пустая коробка из-под пиццы, которую она заказала в субботу. Заказ пиццы был ее единственным еженедельным грехом. Она ненавидела себя за него, но когда наступала суббота, она сдавалась. Она заказывала самую дешевую пиццу с помидорами, ела половину за один присест, а вторую половину доедала в воскресенье. В понедельник она снова садилась на гречку.

Внезапно сверху раздался звук дрели. Он пронзил утреннюю тишину, как нож. Мира вздрогнула и замерла с ложкой в руке. Звук дрели был для нее личным оскорблением. Он был громким, настойчивым и наглым. Он напоминал ей, что у соседей есть ремонт, а у нее — нет. У соседей есть деньги, силы и желание что-то менять, а у нее — только просроченный йогурт и кредит, который она выплачивала уже третий год.

Она не закричала и не выругалась. Она спокойно, методично вышла из кухни, добралась до прихожей, где стояла швабра, и взяла ее. Потом она вернулась в кухню, встала прямо под то место, где, судя по звуку, соседи сверлили бетон, и начала стучать черенком по потолку. Она стучала ровно, размеренно, без паники. Тук. Тук. Тук. Это не был призыв к тишине. Это было сообщение: «Я здесь. Я вас слышу. Я зла. И у меня нет сил на скандал, но имейте в виду, что я существую».

Сверху на секунду замолчали. Потом сверление возобновилось с удвоенной силой. Мира улыбнулась. Именно этого она и ожидала. Победа системы. Всегда система побеждает.

Она поставила швабру обратно и пошла в душ. Вода была едва теплой — колонка работала через раз, и утром всегда было холоднее, чем вечером. Мира стояла под струями и смотрела на свои пальцы. Они были морщинистыми, красными, с обгрызенными ногтями. Она обгрызала ногти с детства. Мама говорила, что это от нервов. Мира считала, что это от того, что ее жизнь была бесконечной серией разочарований.

Она не мыла голову. Она вообще не любила мыть голову, потому что на сушку уходило время, которого у нее ни-

когда не было. Вместо этого она собрала жирные волосы в пучок, заколола его шпилькой и решила, что сегодня можно обойтись без укладки. Кому вообще нужна укладка в техподдержке? Клиенты не видят ее. Коллеги не смотрят на нее. Начальник замечает только тогда, когда она делает ошибку.

Она вышла из душа, намотала на голову полотенце и пошла к шкафу. Шкаф был развалюхой, которую она привезла с предыдущей квартиры. Дверца не закрывалась, и оттуда торчали вещи — джинсы, футболки, пара блузок, которые она купила три года назад на распродаже и носила по очереди. Она выбрала джинсы — те, что сидели свободно и не требовали стирки. Она носила их уже третью неделю. Это было не из бедности. Это было из принципа. Зачем стирать джинсы, если они выглядят чистыми? Зачем тратить деньги на стиральный порошок и воду, если мир и так погибает от загрязнения? Она была экологичной по необходимости, а не по убеждениям.

К джинсам она добавила черную водолазку с катышками, которые она срезала перед Новым годом, но они снова появились. Катышки появлялись, как плохие мысли. Она смотрела на себя в зеркало — серая женщина в сером городе. Единственным цветным пятном был красный шарф, который висел на вешалке в прихожей.

Шарф был уродливым. Слишком ярким, слишком толстым, с каким-то дурацким узором, который, по словам бабушки, был «норвежским». Бабушка умерла два года назад. За месяц до смерти она позвонила Мире и сказала: «Я связала тебе шарф. Ношу, чтобы не мерзла. Ты вечно мерзнешь». Мира тогда улыбнулась в трубку и сказала: «Спасибо, бабуль». Бабушка прислала шарф почтой. Через неделю она умерла. Мира приехала на похороны, но опоздала. Ей не дали отгул на работе. Она плакала в туалете офиса, потому что больше было негде.

Теперь шарф висел в прихожей. Мира ненавидела его — он был не ее стилем, он был слишком теплым, слишком красным. Но она носила его, потому что выбросить было нельзя. Нельзя было выбросить последнее, что осталось от бабушки. Нельзя было выбросить боль.

Она намотала шарф на шею — не красиво, а как попало, чтобы не дуло. Потом надела старую зимнюю куртку, которую купила на рынке, натянула шапку и посмотрела на себя в зеркало. Ей показалось, что она похожа на бездомную. Она улыбнулась своему отражению. Бездомные хотя бы свободны. У них нет кредитов и нет работы, где нужно улыбаться клиентам.

Она взяла рюкзак. Старый, потертый, с оторванным ре-

мешком, который она зашила синей ниткой. В рюкзаке лежал ноутбук — рабочий, тяжелый, с треснутым углом. Логотип компании на нем уже почти стерся. Это был символ ее жизни: все ломается, стирается, исчезает. Только она остается, с таким же треснутым углом.

Выходя из квартиры, она наступила на ступеньку, которая скрипела, и мысленно отметила, что это будет первый раз, когда она разозлится сегодня. Ступенька скрипела всегда. И Мира злилась всегда. Это было единственное постоянство в ее жизни.

Она закрыла дверь, заперла замок и пошла к лифту. Лифт в ее доме не работал последние две недели. Она жила на седьмом этаже, и каждый день спускалась по лестнице, считая ступеньки. Семь этажей, по двенадцать ступеней на каждом. Восемьдесят четыре ступеньки. Она посчитала их на второй день после переезда, когда лифт сломался в первый раз. Сейчас они переживали уже пятый ремонт лифта, но никто его не чинил. Она привыкла. Как и к запаху, как и к сверлению, как и к йогурту.

На улице было серо. Небо висело низко, как потолок в ее студии. Моросил мелкий дождь. Мира ненавидела дождь, но не потому, что он был мокрым, а потому что он делал всех людей вокруг еще более жалкими. Они бежали, прятались

под козырьки, толкались, открывали зонты, которые не защищали от ветра. Мира зонт не носила. Она надевала капюшон и шла вперед, просто игнорируя воду. Вода стекала по куртке, по шапке, по шарфу. Ей было все равно. Все равно было на всё.

Метро находилось в десяти минутах ходьбы. Десять минут — это время, за которое она успевала выпить кофе из термокружки и мысленно проклясть весь мир. Кофе был растворимым, дешевым, с кислым привкусом. Она заварила его еще дома, пока собиралась, и теперь он стоял в сумке. Она сделала глоток — горячий и горький. Она любила горький кофе. Сладким можно обмануть себя. Горький говорит правду.

2.

На входе в метро — очередь. Всегда очередь. Мира стояла и ждала, пока турникет проглотит карточку. Карточка была старой, потертой, с едва видимым изображением. Она носила ее в кармане куртки и чувствовала на себе взгляды людей, которые нервничали, задерживаясь перед турникетом. Люди всегда нервничали. Они нервничали из-за того, что опаздывают, из-за того, что забыли карточку, из-за того, что вокруг слишком много людей. Мира не нервничала. Она уже давно приняла, что опоздает. Она принимала все, что происходи-

ло.

Турникет пискнул. Она прошла и медленно двинулась к эскалатору. Ступеньки двигались вниз, и она стояла с правой стороны, как ей было положено. Она никогда не стояла с левой — там бегали люди, которые считали себя важнее других. Она ненавидела их больше всего. Тех, кто бежит. Тех, кто толкается. Тех, кто кричит «подвиньтесь» в переполненном вагоне. Ей хотелось ответить им: «Подвинься ты, идиот, у тебя все равно важнее ничего нет, чем моя жизнь».

Но она молчала. Она всегда молчала.

В метро всегда было шумно. Гул поездов, объявления о станциях, гомон толпы. Мира вставила наушники и включила музыку. Тяжелый индастриал с уродливыми звуками, которые напоминали скрежет металла. Ей нравилось, когда музыка была уродливой. Красивая музыка обманывала. Уродливая говорила правду.

Она вошла в вагон. Свободных мест не было, и она встала у дверей. Это было ее место. У дверей она могла смотреть на людей и на себя. Она могла видеть свое отражение в грязном стекле, покрытом царапинами, и думать о том, что она ничем не отличается от этих людей. Такая же серая, такая же уставшая, такая же потерянная.

Вагон тронулся, и Мира начала свое утреннее занятие — наблюдение. Она всегда смотрела на людей в метро и мысленно сортировала их по категориям. Это была ее игра. Ее единственное развлечение в этой серой жизни.

Вот женщина с коляской. Мира мысленно назвала ее «танком». Женщина была крупной, уверенной, с красным лицом и громким голосом. Она протиснулась в вагон, ударив коляской по ногам стоящего рядом мужчины. Мужчина поморщился, но ничего не сказал. Мира подумала, что мужчина был слабаком. Если бы ее ударили, она бы заорала. Но она бы не ударила. Она всегда уступала место колясочникам, потому что, по закону подлости, они всегда были противнее всех.

Рядом стоял молодой человек в костюме, с кофе в стаканчике. Мира назвала его «офисным планктоном». Планктон смотрел в телефон, периодически делая глотки. Кофе пах паленым пластиком, и Мира сморщила нос. Планктон даже не понимал, что его кофе отвратительный. Он пил и наслаждался, как будто это был лучший напиток в мире. Мира ненавидела таких людей. Тех, кто принимает посредственность за качество. Тех, кто рад тому, что у них есть.

В углу стояла старушка с авоськой. В авоське лежали пакеты молока и буханка хлеба. Старушка была маленькой, скрю-

ченной, с тонкими седыми волосами. Мира посмотрела на нее и почувствовала жалость. Не к старушке, а к себе. Потому что она знала, что через сорок лет будет на ее месте. Такая же жалкая, с такой же авоськой, идущая за продуктами, потому что никто не принесет их ей.

И вдруг Мира почувствовала, что кто-то оперся на ее плечо. Она повернула голову и увидела мужчину лет пятидесяти, с красным носом и мутными глазами. Он дремал, стоя, и его голова падала ей на плечо. Он даже не замечал этого. Мира смотрела на него и чувствовала, как внутри закипает злость. Только не сейчас. Только не в метро. Только не на ее плечо.

Она не толкнула его. Она мысленно написала баг-репорт. Она это делала всегда, когда кто-то ее раздражал. Это была игра, в которую она играла сама с собой. Она представляла, что мир — это программа, а люди — баги. Она составляла отчеты. Это помогало.

Баг-репорт № 483:

- Описание: мужчина в метро нарушил личное пространство пассажира.
- Ожидаемое поведение: сохранять дистанцию минимум 20 сантиметров.

- Наблюдаемое поведение: навалился всем телом.
- Приоритет: высокий, так как нарушает ментальное здоровье.
- Статус: не исправлен. Дурак.

Она мысленно усмехнулась. Дурак. Вот как она классифицировала большинство людей. Дураки, идиоты, бездари. И только она знала, что мир не работает так, как они думают. Только она видела систему, которая трещит по швам.

Метро затормозило. Люди зашевелились, начали выходить и заходить. Мужчина с красным носом проснулся, оглянулся и вышел на станции. Мира облегченно выдохнула. Она заметила, что он забыл свой стаканчик на сиденье. Стаканчик стоял и ждал нового хозяина. Мира хотела выбросить его в урну, но не стала. Пусть кто-то другой спасает мир. Она спасла свой день, не ударив этого мужчину.

Она снова посмотрела в окно. В отражении она видела свое лицо. Серое, уставшее, с темными кругами под глазами. Ей показалось, что она стареет быстрее, чем люди вокруг. Она посмотрела на свою руку и заметила еще одну трещину на коже. Кожа сохла, трескалась, старела. Так же, как ее жизнь. Она подумала о бабушке. Бабушка тоже старела, но у нее было что-то, чего у Миры не было. Улыбка. У бабушки была улыбка. Мира не улыбалась. Она не помнила, когда в

последний раз улыбалась искренне. Может быть, на прошлой работе, когда она получила премию? Но та премия была такой маленькой, что смеяться было грустно.

Она вышла из вагона и пошла к выходу. Станция, на которой она работала, была одной из самых загруженных. Утром здесь было всегда полно народу. Мира шла, пробираясь через толпу, и думала о том, что это похоже на косяк рыб. Они все плыли в одном направлении, потому что кто-то сказал им, что там, впереди, есть корм. На самом деле там была только боль и разочарование.

3.

Офис находился в десяти минутах от метро. Это было высокое здание из стекла и бетона. Мира каждый день смотрела на него и думала, что это стеклянный гроб. Красивый, дорогой гроб, где работают люди, у которых нет жизни.

Она подошла к проходной, показала пропуск охраннику. Охранник был ей знаком — дядька с усами, который всегда смотрел на нее с подозрением. Он думал, что она воровка. Или что она не такая, как все. Она и была не такой. Она была циничной и злой, и он чувствовал это.

— Здравствуйте, Мира Петровна, — сказал он официаль-

но.

— И вам не болеть, — ответила она и прошла на лифт.

Лифт был облицован зеркалами. Мира смотрела на свое отражение со всех сторон и видела себя в бесконечности. Она всегда боялась зеркал в лифтах. Там она видела, что она одна, и что она будет одна всегда. Там она видела свою пустоту.

Она нажала кнопку пятого этажа. Лифт тронулся с мягким гулом. Пятый этаж — ее этаж. Отдел технической поддержки и тестирования. Техподдержка — как она любила говорить, психологическая лечебница для людей, которые потеряли связь с реальностью.

Двери открылись, и Мира вышла в открытое пространство. Это был офис open-space с кондиционером, который дул всегда в спину. Она ненавидела это место. Она ненавидела серые столы, зеленые фикусы в горшках и запах дешевого кофе из автомата. Она ненавидела лампы дневного света, которые делали всех мертвенно-бледными. Она ненавидела это место так сильно, что иногда ей казалось, что она ненавидит его больше, чем все другие места вместе взятые.

Она прошла к своему месту — угловой стол у стены. Она

выбрала это место сама, когда пришла сюда два года назад. Ей нужно было, чтобы за спиной была стена. Так она чувствовала себя в безопасности. За спиной не было проходов, и никто не мог подкрасться сзади. Она не доверяла людям. Особенно тем, кто работал рядом.

Мира села за стол, включила компьютер и надела гарнитуру. Компьютер загружался долго, минут пять. Она смотрела на экран, где ползла цветная полоска загрузки, и думала о том, что это точно так же медленно, как ее жизнь. Она тоже загружалась каждое утро, но программа так и не запустилась полностью.

Она огляделась. Слева сидела Лена, которую Мира называла «Зефиркой». Лена была моложе, ей было двадцать четыре, и она была невероятно оптимистична. Она улыбалась, грызла яблоки и слушала поп-музыку. Она приносила с собой маленькие баночки с пюре — детским питанием, потому что, как она говорила, «это полезно и вкусно». Мира смотрела на эти баночки и видела ту же самую глупость, которую видела во всем мире. Лена была беззащитна. Она не знала, что мир — это помойка, и что ее улыбка ничего не изменит.

Справа сидел Коля. Ему было сорок пять, он был лысеющим, очкастым и всегда ел пирожки с мясом. Он чавкал. Мира ненавидела, когда люди чавкают. Это был один из тех зву-

ков, которые она не могла терпеть. Она слышала, как он жуёт пирожок на расстоянии трех метров, и ей хотелось крикнуть ему, чтобы он закрыл рот. Но она молчала. Она привыкла. Она привыкла ко всему.

Рядом с Николаем был стул, который пустовал. Туда никто не садился. Мира иногда думала о том, что за этим столом сидел человек, который уволился, и с тех пор это место было проклятым. Или просто никому не хотелось сидеть в этом углу.

Она открыла почту. Сто пятьдесят непрочитанных писем. Письма от клиентов, от начальства, от коллег. Она начала просматривать их и сортировать. «Технические проблемы», «Вопросы по тарифам», «Не работает», «Помогите, у меня все сломалось». Она знала эти письма наизусть. Она знала, что в них будет написано, еще до того, как открывала. Потому что люди одинаковы. Они всегда делают одни и те же ошибки. Они всегда пишут в техподдержку, когда проблема уже есть, и они уже злы. Она понимала их злость, но не разделяла ее. Она считала их злость бесполезной.

Вдруг она услышала шаги. Это был начальник. Сергей, сорокалетний мужчина с вечно напряженным лицом. Он ходил по офису с чашкой кофе и смотрел на всех, как на солдат в армии. Он не был злым, он был просто уставшим. Таким же,

как Мира, но он не знал этого. Он думал, что он лучше всех.

— Мира, — сказал он, остановившись рядом с ней. — Привет.

— Здравствуйте, Сергей Викторович, — ответила она без эмоций.

— Как настроение? Готова к рабочему дню?

— Как всегда, — сказала она. — Отлично. Кислотность моего желудка понизилась до уровня серной кислоты. Я почти счастлива.

Сергей посмотрел на нее и нахмурился. Он не любил, когда она шутила. Он не любил, когда она говорила правду.

— Ты слишком цинична, — сказал он. — Это мешает работе.

— Это помогает работе, — ответила она. — Я вижу то, что не видят другие.

Он вздохнул и ушел. Мира улыбнулась. Маленькая победа.

На мониторе загорелся первый звонок. Она нажала кнопку и услышала голос женщины. Голос был нервным, высоким, сбивчивым.

— Алло, здравствуйте, я пытаюсь зарегистрироваться в системе, но у меня ничего не получается, я уже полчаса мучаюсь, и я не понимаю, что делать, я все делала по инструкции, но она не работает, и у меня горит дедлайн, а я не могу...

— Успокойтесь, — перебила Мира. — Назовите свой логин.

— Я не помню.

— Тогда создайте новый.

— Как?

— Нажмите кнопку «Регистрация».

— Я не вижу.

— Она в правом верхнем углу.

— А, вот она. Спасибо. Я нажала.

— Теперь введите логин латиницей. Только латиницей. Без пробелов, без специальных символов.

— А можно с точкой?

— Нет.

— А почему?

— Потому что система так работает.

— А можно сделать, чтобы она работала иначе?

— Нет. Я не могу изменить код.

Женщина вздохнула и начала вводить логин. Мира слышала, как она стучит по клавиатуре. Она слышала ее дыхание. Она чувствовала ее злость. И она знала, что эта злость не была направлена на систему. Она была направлена на себя. На то, что женщина не справляется. На то, что она не понимает. Мира чувствовала к ней что-то среднее между жалостью и презрением.

— Я ввела, — сказала женщина. — Не подходит.

— Попробуйте еще раз.

— Я пробую уже в третий.

— Убедитесь, что вы не используете кириллицу.

— Я использую кириллицу?

— Скорее всего.

— А как мне ее отключить?

— Переключите раскладку клавиатуры. Кнопка сбоку.

— Я не знаю, как ее переключить.

Мира глубоко вздохнула. Ей хотелось сказать женщине, что она дура. Что она не умеет пользоваться даже самым простым, что она не умеет читать инструкции, что она не способна на элементарные вещи. Но она сдержалась.

— Нажмите на Alt и Shift одновременно, — сказала она спокойно.

Женщина сделала это. Послышался щелчок.

— Получилось?

— Да, кажется, да.

— Теперь введите логин.

— Я ввела.

— Теперь пароль. Минимум восемь символов. Обязательно одна заглавная буква, одна цифра, один специальный символ.

— А какой специальный?

— Любой.

— Я не понимаю.

— Это просто символ, который не буква и не цифра. Восклицательный знак, решетка, доллар.

— А можно доллар?

— Можно.

— Я ввела. А теперь что?

— Нажмите «Зарегистрироваться».

— Нажала. У меня написано «Ошибка».

Мира посмотрела на экран. Ошибка была стандартная. «Пароль не соответствует политике безопасности». Она снова вздохнула.

— Пришлите мне скриншот, — сказала она. — Я посмотрю.

— А как сделать скриншот?

— Нажмите кнопку Print Screen на клавиатуре.

— Я не знаю, где она.

— Справа, сверху.

— Нашла. Нажала. Что дальше?

— Откройте Paint, нажмите Ctrl+V и сохраните.

— Я не понимаю, как открыть Paint.

Мира закрыла глаза. Она ненавидела этот момент. Мо-

мент, когда человек оказывался настолько беспомощным, что не мог сделать самого простого. Она знала, что придется объяснять все по шагам, как для первоклассника. И она будет улыбаться и говорить вежливо, хотя внутри все кипит.

— Нажмите «Пуск» в левом нижнем углу, — сказала она.
— Найдите программу Paint.

— Я нашла.

— Откройте.

— Она открыта.

— Теперь Ctrl+V.

— Что значит Ctrl+V?

— Нажмите кнопку Ctrl на клавиатуре, не отпуская ее, нажмите V.

— Я нажала. У меня появилось.

— Сохраните.

— Как?

— Нажмите Ctrl+S.

— Я сохранила. А как прислать?

— Откройте почту. Новое письмо. Прикрепите файл.

— Я не знаю, как прикрепить файл.

Мира прикусила губу. Она чувствовала, как внутри закипает ярость. Эта женщина, этот клиент, эта беспомощность — все это было частью системы. Частью мира, который не работал.

— Отправьте мне по корпоративной почте, — сказала она холодно. — Напишите «Скриншот ошибки».

— А как...

— Просто сделайте, как я сказала. Пожалуйста.

Она положила трубку. Женщина все еще что-то говорила, но Мира уже не слушала. Она смотрела на монитор и думала о том, что каждый раз, когда она берет трубку, она теряет часть души. Каждый раз, когда она объясняет взрослому человеку, как сделать скриншот, она становится чуточку более

циничной. И это было спасением.

Она сняла гарнитуру и сделала глоток кофе. Кофе остыл и стал горьким. Она все равно выпила его.

— Мира, — услышала она голос Лены. — Ты в порядке? У тебя лицо такое... злое.

— Я всегда злая, Зефирка, — сказала она.

— Почему ты меня так называешь?

— Потому что ты как зефирка. Сладкая, мягкая, беззащитная. И тебя так же легко съесть.

Лена обиженно надула губы и отвернулась. Мира усмехнулась. Маленькая победа.

Она открыла свои личные заметки, которые вела в блокноте. Там были записи о всех клиентах, которые ее раздражали. Она писала в блокнот, потому что это был ее способ выплеснуть злость. Блокнот был черным, с оторванной обложкой. На обложке было написано «Баг-репорты» жирным фломастером.

Баг-репорт № 484:

- Описание: женщина не умеет пользоваться клавиатурой.
- Ожидаемое поведение: пользователь знает, как переключать раскладку.
- Наблюдаемое поведение: не знает.
- Комментарий: считает, что интернет — это магия.
- Статус: не исправлен. Безнадёжно.

Она закрыла блокнот и посмотрела на экран. Почта загрузилась снова. Тридцать новых писем. Она начала отвечать на них автоматически, как робот. «Здравствуйте, спасибо за ваш запрос. Мы получили ваше обращение. Специалист свяжется с вами в ближайшее время». Это было стандартное сообщение, которое она отправляла всем. Она даже не читала письма. Она просто нажимала «Ответить» и вставляла шаблон.

Она всегда делала так. Она автоматизировала все, что могла. Ее жизнь была автоматизирована. Утро, дорога, работа, дорога, вечер. Все по шаблону. Никаких сбоев. Только если она не нарушала программу, но она не нарушала. Она была идеальным винтиком в этой огромной машине.

4.

Второй звонок прозвучал через пять минут. Мира снова

надела гарнитуру и нажала кнопку. На этот раз это был мужчина с басом. Голос был требовательным, уверенным. Он представился как важный клиент, партнер компании. Он говорил о том, что его доступ к премиум-функциям не работает.

— Я плачу за это, — сказал он. — Я плачу много денег. И я требую, чтобы все работало.

— Я понимаю, — сказала Мира. — Давайте проверим ваш аккаунт.

Она открыла его профиль. Он действительно был премиум-клиентом. У него был доступ, но система показывала ошибку. Ошибка была не в системе. Ошибка была в том, что он использовал неправильный пароль. Но Мира решила не говорить ему это сразу. Она хотела, чтобы он помучился. Потому что он был высокомерным. Он думал, что деньги решают все. Что деньги делают его лучше.

— Я вижу проблему, — сказала она. — Ваш доступ был временно заблокирован из-за нестандартной активности.

— Какой активности? Я ничего не делал.

— Система зафиксировала несколько неудачных попыток

входа с разных IP-адресов.

— Я не знаю, что такое IP-адреса. Я просто хочу войти в систему.

— Сейчас я проверю, почему это происходит, — сказала она. — Пожалуйста, подождите на линии.

Она не стала проверять. Она просто сидела и смотрела на экран. Она знала, что проблема не в системе. Проблема в том, что он не умеет пользоваться паролем. Но она хотела, чтобы он ждал. Она хотела, чтобы он понял, что его деньги не делают его умнее.

Она ждала ровно двадцать минут. Двадцать минут она смотрела на монитор и делала вид, что что-то делает. Она переключала вкладки, открывала отчеты, пила кофе. Она слышала, как мужчина дышит в трубку. Она слышала, как он нервничает. И это давало ей чувство удовлетворения.

— Алло, — сказала она наконец. — Я проверила. Проблема в том, что вы ввели неправильный пароль.

— Неправильный? Я всегда ввожу один и тот же.

— Возможно, вы ошиблись.

— Я не ошибся.

— Тогда, возможно, вы забыли, что изменили пароль.

— Я ничего не менял.

— В таком случае, давайте сбросим ваш пароль. Я отправлю вам письмо со ссылкой.

— Сколько это займет?

— Несколько минут.

— А быстрее нельзя?

— Процесс автоматический, — сказала Мира. — Я не могу ускорить его.

Она отправила письмо. На самом деле она могла сбросить пароль вручную за секунду. Но она хотела, чтобы мужчина подождал. Она хотела, чтобы он понял, что он не всемогущий.

— Я отправил, — сказала она. — Пожалуйста, проверьте почту.

Она сняла гарнитуру и улыбнулась. Маленькая победа. Всегда маленькие победы.

Она записала в блокнот:

Баг-репорт № 485:

- Описание: важный клиент не умеет запоминать пароли.
- Ожидаемое поведение: премиум-клиент компетентен.
- Наблюдаемое поведение: некомпетентен, но высокомерен.
- Комментарий: деньги не решают все.
- Статус: наказан ожиданием.

Она закрыла блокнот и посмотрела на часы. Обед был через час. Она ждала обеда, как ждала спасения. Не потому что хотела есть, а потому что хотела выйти из этого офиса. Хотя бы на час.

Она думала о том, как прошло утро. Было всего десять часов, а она уже устала. Она всегда уставала к десяти. Кофе, звонки, клиенты, шум. Все это давило на нее, как бетонная плита.

Она посмотрела на Лену. Лена улыбалась, грызла яблоко и

листила ленту Instagram. Мира видела на экране фотографии счастливых людей, загорающих на пляже, едущих на машинах, пьющих коктейли. Она видела, как Лена ставит лайки этим фотографиям, и ей хотелось крикнуть: «Это не жизнь! Это иллюзия! Они такие же мертвые внутри, как и мы!».

Но она молчала.

5.

В двенадцать часов Мира вышла на обед. Она всегда выходила ровно в двенадцать, чтобы не пересекаться с другими сотрудниками. Она не любила обедать в столовой, потому что там было шумно. Она не любила обедать с коллегами, потому что они говорили о глупостях. Она шла в маленькую кафешку через дорогу, где брала кофе и бутерброд, и садилась в углу.

Сегодня она взяла латте и сэндвич с индейкой. Она села у окна и стала смотреть на улицу. Люди шли, шли, шли. Она думала о том, куда они все идут. На работу, с работы, в магазины, в кафе. Они все были такими же, как она. Серыми, уставшими, потерянными. Но они не знали этого. Они думали, что у них есть цель.

Она достала телефон и открыла приложение банка. Она

посмотрела на счет. Минус три тысячи рублей. Она посмотрела на кредит. Она должна была заплатить еще десять тысяч до пятнадцатого числа. У нее было три дня. Она не знала, где возьмет эти деньги. Может, возьмет еще один кредит, чтобы погасить первый. Это было безумно, но это было единственным решением.

Она посмотрела на свои расходы за месяц. Еда, коммуналка, транспорт. Она тратила почти все на то, чтобы выжить. Она не покупала себе ничего лишнего. Никаких новых вещей, никаких развлечений, никаких поездок. И все равно не хватало.

Она вспомнила о своей мечте. Мечте об акциях стартапов. Она хотела инвестировать, хотела заработать, хотела выбраться из этой ямы. Но для инвестиций нужны деньги. А у нее не было денег. У нее были только долги.

Она закрыла приложение и убрала телефон. Она не хотела думать о деньгах. Она хотела думать о том, как сбежать из этого города. Сбежать туда, где нет кредитов, нет начальников, нет клиентов. Но она знала, что это невозможно. Она была привязана к этому месту, как собака к будке.

Она доела бутерброд, выпила кофе и пошла обратно в офис. Дождь все еще шел. Мелкий, противный, серый. Она

не брала зонт. Она шла под дождем и думала о том, что дождь — это как ее жизнь. Всегда мокро, всегда холодно, всегда серо.

Она зашла в офис и села на свое место. На мониторе уже горели новые звонки. Ее ждали клиенты. Она надела гарнитуру и нажала кнопку.

— Здравствуйте, служба поддержки, — сказала она. — Чем я могу вам помочь?

Но это был не клиент. Это был Сергей. Она услышала его голос в трубке.

— Мира, зайди ко мне, — сказал он.

Она положила трубку и пошла в кабинет начальника. Она знала, что это не к добру. Сергей никогда не звал ее просто так. Всегда были какие-то проблемы. Всегда было что-то, в чем она была виновата. Или что-то, что ей нужно было сделать.

Она постучала и вошла. Кабинет был маленьким, заваленным бумагами. Сергей сидел за столом и смотрел на нее.

— Садись, — сказал он, указывая на стул.

Она села и сложила руки на коленях. Она чувствовала себя как на приеме у врача. Она ждала диагноза.

— Я вызвал тебя по важному делу, — сказал он. — У нас грядут изменения.

Мира напряглась. Изменения всегда означали что-то плохое. Сокращения, повышение требований, новые задачи.

— Как ты знаешь, — продолжил он, — в следующем квартале компания выходит на IPO. Мы должны показать хорошие результаты.

— Я в курсе, — сказала она.

— Мы должны улучшить KPI. У нас есть план. Каждый сотрудник должен показать выдающиеся результаты. Иначе...

Она знала, что он скажет. «Сокращение». Она слышала это слово уже не раз. Она видела, как увольняли ее коллег. Она видела, как они уходили с пустыми глазами. Она не хотела быть на их месте.

— Я понимаю, — сказала она. — Я сделаю все, что нужно.

— Хорошо, — сказал Сергей. — Сейчас мы проверяем все процессы. Нам нужно, чтобы ты провела аудит системы. И написала отчет. На это у тебя будет неделя.

— Это много работы, — сказала она.

— Я знаю. Но мы доверяем тебе. Ты лучшая тестировщица в отделе.

Она улыбнулась. Это была не улыбка радости. Это была улыбка горечи. Она была лучшей тестировщицей, потому что она ненавидела все. И она находила баги, которые никто не замечал. Потому что она видела мир с той же подозрительностью, с которой тестировала код.

— Я сделаю, — сказала она и встала.

Она вышла из кабинета и вернулась на свое место. Она села и посмотрела на монитор. Ее ждали клиенты, но у нее уже не было сил. Она открыла блокнот и написала:

Баг-репорт № 486:

- Описание: работа требует больше, чем я могу дать.
- Ожидаемое поведение: начальник понимает, что я чело-

век.

- Наблюдаемое поведение: не понимает.
- Комментарий: все хотят от меня чуда.
- Статус: не исправлен. Никогда не будет исправлен.

Она закрыла блокнот и надела гарнитуру. Она была готова к новым клиентам. Но перед этим она услышала, как Лена подошла к ней сзади.

— Мира, — сказала Лена. — Ты в порядке?

— Я всегда в порядке, Зефирка, — сказала она. — Просто мир не в порядке.

Она улыбнулась, но в глазах у нее был холод.

6.

Наступил вечер. Шестой час. Мира сидела на своем месте и дописывала отчет. Она работала над аудитом системы уже второй час. Она нашла семнадцать багов. Они были маленькими, но система держалась на них. Она знала, что если начальник увидит этот отчет, он рассердится. Он не хотел знать правду. Он хотел, чтобы все было хорошо. Но Мира не могла лгать. Она не умела.

Она сохранила отчет и отправила его на почту. Потом она выключила компьютер и встала. Ее спина болела. Ее голова болела. Она хотела спать. Но она знала, что дома ее ждет кровать, которая не принесет ей отдыха. Только новые трещины в потолке и шум сверху.

Она попрощалась с Леной и Колей. Лена улыбнулась, Коля кивнул. Она вышла из офиса и пошла к лифту. Лифт был пуст. Она нажала кнопку первого этажа и закрыла глаза.

Она думала о том, как прошел день. Звонки, письма, отчеты. Все одно и то же. Она чувствовала, что ее жизнь — это бесконечный цикл. Она не знала, как из него выйти. Она не знала, когда все изменится.

Лифт остановился. Она вышла и пошла к выходу. На улице все еще шел дождь. Она надела капюшон и пошла к метро.

В метро было меньше людей, чем утром. Она села на свободное место и снова вставила наушники. Она включила ту же музыку. Уродливую, громкую, правдивую. Она закрыла глаза и представила, что она не здесь. Что она где-то далеко. Что у нее нет кредитов, нет работы, нет ничего. Только свобода.

Она открыла глаза и поняла, что это иллюзия. Она всегда

будет здесь. Она всегда будет той же самой Мирой.

7.

Она вышла из метро и пошла домой. Дорога была мокрой и серой. Она шла, глядя под ноги, чтобы не наступить в лужу. Она не хотела, чтобы ее обувь промокла. У нее не было другой.

Она подошла к своему дому и остановилась. Вдруг она почувствовала, что кто-то смотрит на нее. Она повернулась и увидела мужчину. Он стоял на другой стороне улицы и смотрел на нее. Он был невысоким, в черном плаще, с портфелем в руке. Он выглядел странно. Он выглядел не из ее мира.

Она отвернулась и пошла к подъезду. Она не хотела думать о нем. Она хотела просто войти в дом и лечь спать. Но она чувствовала его взгляд. Она чувствовала, что он следит за ней.

Она вошла в подъезд и закрыла дверь. Она поднялась на седьмой этаж и открыла квартиру. Она сняла куртку, шарф, шапку и села на кровать. Она сидела и смотрела в стену. Она не знала, что делать. Она не знала, как жить дальше.

Внезапно у нее зазвонил телефон. Она взяла его и посмот-

рела на экран. Незнакомый номер. Она не хотела брать трубку. Но она все равно взяла.

— Алло, — сказала она.

— Здравствуйте, Мира, — услышала она голос. — Я тот мужчина, который стоял у вашего дома.

Она замерла. Она не знала, что сказать. Она чувствовала, как по спине пробегает холод.

— Не бойтесь, — сказал он. — Я не преследую вас. Я просто хочу предложить вам работу.

— Какую работу? — спросила она.

— В стартапе. Мы ищем тестировщика. Нам нужен человек с острым умом и циничным взглядом. Мне сказали, что вы лучшая.

Мира смотрела в стену и не знала, что ответить. Она не верила в чудеса. Она не верила ни во что. Но этот звонок, этот мужчина, это предложение — все это было странно. И одновременно притягательно.

— Я подумаю, — сказала она.

— Подумайте, — ответил он. — Но недолго. У нас есть время только до завтра. Завтра я буду ждать вас в офисе. Я пришлю адрес.

Он положил трубку. Мира смотрела на телефон и думала о том, что, возможно, это был шанс. Шанс на что-то новое. Шанс на то, чтобы сбежать из этой жизни. Шанс на то, чтобы начать все сначала.

Она положила телефон на стол и легла на кровать. Она смотрела в потолок и считала трещины. Семнадцать трещин. Как семнадцать лет ада.

Она закрыла глаза и заснула.

Конец главы 1.

Глава 2. Очки

8.

Будильник зазвенел ровно в 7:30. Мира открыла глаза за секунду до того, как динамик смартфона издал первый про-

ТИВНЫЙ ПИСК.

Она не спала почти всю ночь.

Телефон лежал на тумбочке экраном вниз. Она смотрела на него с ненавистью, с какой смотрят на врага, который не нападает, а просто ждет. Ждет, когда ты моргнешь, когда расслабишься, когда поверишь в то, что все будет хорошо. Она не верила. Она не верила ни во что. Особенно в звонки от незнакомых мужчин в черных плащах, которые обещают работу в стартапе.

Она перевернулась на спину и уставилась в потолок.

Семнадцать трещин.

Она знала их все. Первая, самая длинная, начиналась у люстры и тянулась к углу, где стоял старый шкаф. Вторая пересекала первую, образуя крест. Третья была почти незаметной, тонкой, как паутинка. Мира любила считать их. Это успокаивало. Это напоминало ей о том, что мир вокруг нее тоже ломается. Что она не одна такая. Что бетон, стекло, пластик — все трескается. Все рушится. Все идет по плану.

Она снова посмотрела на телефон.

Ни одного сообщения.

Ни адреса офиса. Ни звонка. Ничего. Только пустой экран, который смотрел на нее с безразличием, как и все остальное в этой жизни.

— Идиотка, — прошептала она в потолок. — Ты идиотка. Ты поверила. Ты реально поверила, что кто-то тебя спасет.

Она закрыла глаза и позволила себе две минуты тишины. Как всегда. Но сегодня тишина не помогала. Сегодня внутри нее что-то зудело, чесалось, просилось наружу. Это была злость. Злость на себя. За то, что она позволила себе надежду. За то, что она на секунду подумала, что жизнь может измениться. За то, что она, такая умная, такая циничная, такая опытная, повелась на дешевый трюк.

— Надежда — это ловушка, — сказала она вслух. — Надежда — это опиум для дураков.

Она села на кровати.

Голова кружилась. Она снова не поела накануне. Вечером, после звонка, она просто лежала и смотрела в потолок, пока не заснула. Она даже не сняла джинсы. Теперь они были мягкими, неудобными, и она чувствовала, как ткань впивается

в кожу.

Она посмотрела на свои руки. Кожа была сухой, шелушилась, трескалась. Она вспомнила, что хотела купить крем для рук, но забыла. Она всегда забывала. Она вообще забывала о себе постоянно. Тело было контейнером. Инструментом. Средством передвижения для мозга, который работал на просроченных йогуртах и дешевом кофе.

Она встала, пошатнулась, ухватила за спинку стула.

На столе стоял ее телефон, и она снова посмотрела на него. Ничего. Она взяла его, открыла приложение банка. Счет был пуст. Вообще пуст. Там было три копейки. Три копейки, которые смеялись над ней, как и весь этот мир.

— Отлично, — сказала она, глядя на экран. — Три копейки. Могу купить спичку и сжечь все к чертям.

Она отбросила телефон на кровать и пошла в ванную. Вода была холодной. Колонка снова не работала, и Мира стояла под ледяными струями, дрожа и ругаясь сквозь зубы. Она не мыла голову — на это не было ни времени, ни сил. Она просто ополоснула лицо, вытерлась полотенцем, которое висело уже неделю, и посмотрела на себя в зеркало.

— Красавица, — сказала она своему отражению. — Просто супермодель. Синдром хронической усталости и недофинансирования.

Она вышла из ванной и направилась к шкафу. Она собиралась надеть те же джинсы, но потом подумала, что они уже слишком грязные. Она натянула старые черные брюки, которые купила три года назад, и которые сидели на ней мешковато, как на вешалке. Она не худела специально. Она просто забывала есть. Забывала, что тело нуждается в пище. В тепле. В заботе.

Она надела водолазку с катышками, накинула куртку, намотала бабушкин шарф и посмотрела на себя в зеркало в прихожей. Шарф был таким же уродливым, как и всегда. Слишком ярким, слишком теплым, слишком норвежским. Но она носила его. Она носила эту боль на шее, как ошейник.

Она взяла рюкзак и уже собиралась выходить, когда услышала стук в дверь.

Тук. Тук. Тук.

Мира замерла.

Стук был настойчивым, но не агрессивным. Тук. Тук. Тук.

Она подошла к двери и посмотрела в глазок. За дверью стоял незнакомый человек — женщина в синей форме, с планшетом в руках. На груди у нее был бейджик: «Почта России. Курьерская служба».

Мира открыла дверь.

— Здравствуйте, — сказала женщина. — Вам посылка. Распишитесь, пожалуйста.

Она протянула Мире планшет с электронной подписью и коробку. Коробка была небольшой, картонной, обмотанной скотчем. Скотч был старым, пожелтевшим, с какими-то разводами. Мира посмотрела на коробку и нахмурилась. Она ничего не заказывала. Она вообще никогда ничего не заказывала. У нее не было денег на заказы.

— Это точно мне? — спросила она.

— Мира Петровна? — уточнила курьер.

— Да.

— Тогда вам. Распишитесь.

Мира подписала, взяла коробку и закрыла дверь. Она сто-

яла в прихожей и смотрела на посылку. Откуда? Она перевернула коробку и увидела обратный адрес. Город, которого она не знала. И имя. Имя отправителя — Максим.

Максим.

Ее брат.

Мира замерла. Она не общалась с Максимом уже три года. Три года, два месяца и семь дней. Она помнила точную дату, потому что это был день, когда он уехал. Он сел в поезд и уехал в столицу, обещая разбогатеть, обещая забрать ее из этого болота, обещая стать тем, кем он всегда хотел стать — успешным, богатым, счастливым.

Он не сдержал обещания.

Она не слышала о нем ни слова. Ни звонков, ни писем, ни сообщений. Она даже не знала, жив ли он. Она пыталась забыть о нем, как забывают о зубной боли, которая прошла. Но боль не проходила. Она просто притупилась, спряталась где-то глубоко внутри, в том месте, которое она называла «складом ненужных эмоций».

Мира понесла коробку на кухню и поставила на стол. Она долго смотрела на нее, как смотрят на мину, которая вот-вот

взорвется. Она не хотела открывать. Она не хотела знать, что внутри. Она не хотела чувствовать ничего — ни злости, ни обиды, ни боли. Но любопытство, это проклятое любопытство, которое она так ненавидела в других, теперь проснулось в ней.

Она нашла ножницы и разрезала скотч.

Коробка открылась. Внутри лежали очки. Странные очки, которые больше походили на маску из дешевого научно-фантастического фильма. Они были громоздкими, с толстой черной оправой, с какими-то датчиками по бокам и странными светодиодами, которые тускло мерцали, как будто внутри еще теплилась жизнь. На дне коробки лежала записка. Она была написана от руки, знакомым до боли почерком.

Мира взяла записку и прочитала:

«Мира, это не игрушка. Я сделал их для тебя. Носи их, и ты увидишь, что все не так, как кажется. Прости, что не приехал. P.S. Надевай только утром, на голодный желудок. Макс».

Она перечитала записку дважды, потом трижды. И ничего не почувствовала. Ни злости, ни обиды, ни гнева. Только

пустоту. Холодную, вязкую пустоту, которая заполнила все ее существо.

Она посмотрела на очки. Они лежали в коробке, как мертвый жук, и смотрели на нее стеклянными глазами. Она взяла их в руки. Они были тяжелыми, неудобными, с каким-то странным запахом — смесью пластика, металла и пыли. Она провела пальцем по датчику, и один из светодиодов моргнул в ответ.

— Дорогой, — пробормотала она. — Это выглядит дорого. Может, я смогу продать это.

Она снова посмотрела на записку. «Надевай только утром, на голодный желудок». Она хмыкнула. Голодный желудок — это было единственное, что у нее было всегда. Она не ела с полудня вчерашнего дня. Голодный желудок был ее постоянным состоянием.

Она снова посмотрела на очки. Внутри нее боролись два желания. Одно — выбросить их в мусорное ведро и забыть, как плохой сон. Другое — надеть и посмотреть, что это за дичь. Любопытство побеждало.

— Черт с тобой, — сказала она. — Все равно у меня нет других планов.

Она надела очки.

Сначала ничего не произошло. Только легкий гул, который она почувствовала где-то в затылке, как будто кто-то включил вентилятор внутри ее головы. Она крутила головой, пытаясь разобрать изображение. Все было как обычно. Все было серым, унылым, знакомым до тошноты.

А потом изображение начало меняться.

Сначала ей показалось, что это глюк. У очков просто была плохая оптика, и картинка двоилась. Но потом она увидела надписи. Надписи, которые появлялись над предметами, как теги в каком-то дурацком приложении.

Она посмотрела на холодильник, и над ним появилась строка:

«[Депрессивный контейнер. Уровень голода: 87%. Запасы: критически низкие. Рекомендуется пополнение в ближайшие 4 часа]».

Мира моргнула. Она подумала, что у нее начались галлюцинации от голода.

Она посмотрела на стул, на котором висела ее куртка. Над стулом появилась новая надпись:

«[Хламоноситель. Назначение: сохранение бесполезных вещей. Уровень загрязнения: высокий. Рекомендуются утилизация]».

Она повернулась к окну. В стекле отражалась она сама. Над ее отражением появилась надпись, от которой у нее перехватило дыхание:

«[Субъект: Мира. Состояние: критическое. Необходима перезагрузка. Рекомендуются: смена сценария, изменение условий существования, экстренное вмешательство]».

Она сняла очки и положила их на стол. Руки у нее дрожали. Она смотрела на них, как на ядовитую змею. Что это было? Галлюцинации? Бред? Она переутомилась, и теперь ее мозг играет с ней злые шутки?

Она снова надела очки. Надписи исчезли. Все было как обычно. Она сняла их, снова надела — ничего. Она потрясла их, постучала по датчику, повертела в руках. Никаких надписей. Только серый мир, в котором она жила уже тридцать два года.

— Спасибо, Макс, — сказала она вслух. — Ты сделал очки, которые показывают мне то, что я и так знаю. Просто технология века. Какой же ты идиот.

Она убрала очки в коробку и хотела выбросить их в мусорное ведро. Но остановилась. Вдруг это действительно какой-то дорогой прототип? Вдруг она сможет продать его? Она открыла телефон и поискала в интернете что-то похожее. Ничего. Ни одного упоминания, ни одного изображения, ни одного бренда, который был бы похож на эту странную вещь.

Она положила очки обратно в коробку и засунула в ящик стола.

— Будут лежать, — сказала она. — Может, пригодятся для розжига.

Она закрыла ящик и посмотрела на часы. Было почти девять. Она опоздала на работу на полтора часа, но ей было все равно. Она опоздала уже много раз. Начальник ругался, но не увольнял. Ему было выгоднее держать ее, чем искать нового специалиста. Она знала это. Она знала, что ее навыки — это ее единственное оружие.

Она взяла рюкзак, надела куртку и уже собиралась выхо-

дить, когда снова услышала стук в дверь.

Тук. Тук. Тук.

Она открыла дверь. На пороге стоял курьер. Другой. Молодой парень в желтой куртке, с кепкой на затылке. Он протянул ей конверт.

— Вам, — сказал он и улыбнулся.

Она взяла конверт. Он был тонким, бумажным, без обратного адреса. Она открыла его, и из него выпала визитка. Белая, с черным текстом. Она подняла ее и прочитала:

«Инновационный центр "Горизонт". Офис: ул. Программистов, 12, бизнес-центр "Вектор", офис 514. Вход через главный холл. Пропуск на ресепшине. Приходите в любое время. Работа для вас».

Она перевернула визитку. С обратной стороны было написано от руки: «Мы ждем вас, Мира. И не бойтесь. Это не ловушка».

Она смотрела на визитку и чувствовала, как внутри нее что-то начинает меняться. Что-то, чего она не чувствовала уже много лет. Страх. Надежда. Любопытство. Все вместе.

Она посмотрела на стол, где в ящике лежали очки. Потом на визитку. Потом на дверь.

У нее был выбор.

Либо она идет на работу, где ее ждут звонки, клиенты, начальник, который не видит в ней человека, и бесконечные часы ненависти к самой себе. Либо она идет в этот «Инновационный центр "Горизонт"», о котором она никогда не слышала, и смотрит, что там.

— Это не ловушка, — прочитала она снова и усмехнулась.
— Именно так говорит каждая ловушка.

Она взяла телефон, открыла навигатор и ввела адрес. Бизнес-центр «Вектор» находился в двадцати минутах ходьбы от ее дома. Она никогда не была там. Она вообще никогда не была в этой части города.

Она посмотрела на себя в зеркало. Серая, уставшая, с темными кругами под глазами. Она выглядела как человек, который собирается на похороны. Или на собеседование. Какая разница.

Она снова открыла ящик стола и посмотрела на коробку

с очками.

— Ты — дичь для бедных, — сказала она очкам. — Ты не нужна мне. Ты не нужна никому.

Но она все равно взяла коробку и положила в рюкзак.

— На всякий случай, — сказала она себе. — Вдруг я смогу продать их по дороге.

Она вышла из квартиры и закрыла дверь.

9.

Улица встретила ее серым утром. Небо висело низко, как потолок в ее студии. Моросил мелкий дождь. Мира надела капюшон и пошла в сторону бизнес-центра. Она не знала, зачем она идет. Она не знала, что она там найдет. Но внутри нее горело что-то, что она давно не чувствовала. Любопытство. Или отчаяние. Какая разница.

Она шла и думала о брате. Максим. Единственный человек, который мог сделать такую глупость — прислать ей странные очки вместо денег, вместо помощи, вместо звонка, в котором он сказал бы: «Прости, я был идиотом, давай все начнем сначала». Но он не позвонил. Он прислал очки. По-

тому что он всегда был гениальным неудачником.

Мира вспомнила, каким он был в детстве. Она была старше на три года, но он всегда был умнее. Всегда изобретал что-то невероятное, всегда строил планы, всегда мечтал. В школе он изобрел робота, который должен был мыть полы. Робот проработал ровно пять минут, а потом залил всю кухню водой, потому что у него сломалась система слива. Мама ругалась, Мира смеялась, Максим сидел в углу с красными глазами и говорил: «Я исправлю. Я все исправлю».

Он всегда все исправлял. Но никогда не доводил до ума. Его проекты были гениальными, но провальными. Его идеи были блестящими, но нереалистичными. Он жил в своем мире, где все было возможно, где не было денег, кредитов, дедлайнов и начальников, которые ничего не понимают.

Мира всегда завидовала ему. Завидовала его способности верить. Его способности мечтать. Его способности не замечать реальности.

В университете он попытался создать приложение для поиска счастья. Он объяснял ей, что счастье — это алгоритм, который можно вычислить. Нужно только найти правильные переменные. Он работал над приложением два года, а потом запустил его в бета-версии. Приложение работало. Оно пока-

зывало только карту ближайших баров. Потому что, как объяснил Максим, «алкоголь временно повышает уровень дофамина, и это ближайшее, что мы можем получить к счастью». Мира смеялась тогда. Она смеялась, но внутри нее росло что-то темное. Зависть. Она не могла мечтать так, как мечтал он. Она не могла надеяться. Все, что она умела, — это видеть реальность. И ненавидеть ее.

Она вспомнила их последний разговор. Три года назад. Он стоял на перроне вокзала с маленьким чемоданом в руке и смотрел на нее с таким энтузиазмом, что ей хотелось отвернуться.

— Я вернусь, — сказал он. — Я разбогатею. Я создам стартап, который изменит мир. Я заберу тебя отсюда. Мы будем жить в большом городе, в большом доме, у нас будет все.

— Ты наивен, — ответила она. — Ты всегда был наивен. Мир не меняется от того, что ты хочешь его изменить. Мир — это система. И системы не любят, когда их меняют.

— А ты цинична, — сказал он. — Ты всегда была цинична. Но это не значит, что ты права.

— Я всегда права, — сказала она. — И ты это знаешь.

Он посмотрел на нее с болью в глазах. Она видела эту боль, но не могла остановиться. Она не могла позволить ему уехать с надеждой. Она хотела, чтобы он остался. Она хотела, чтобы он был рядом. Она ненавидела его за то, что он уезжает, оставляя ее одну в этом болоте.

— Просто пообещай мне одну вещь, — сказала она. — Пообещай, что не будешь просить у меня денег. Потому что у меня их нет. И никогда не будет.

Он улыбнулся. Улыбнулся такой улыбкой, которая разбила ей сердце.

— Я никогда не попрошу у тебя денег, Мира. Я заработаю их сам. И я куплю тебе все, что ты захочешь.

Он уехал. И с тех пор она не слышала о нем ни слова. Только эта посылка. Только эти очки. Только эта записка, в которой он просил прощения за то, что не приехал. Он не приехал, потому что нечего было привозить.

Мира остановилась посреди улицы. Она почувствовала, как внутри закипает злость. Злость на брата, на его фантазии, на его идиотские очки, которые ничего не меняют. Он мог бы просто перевести ей тысячу рублей на еду. Он мог бы просто позвонить и сказать: «Прости, я был идиотом». Но

нет. Он прислал ей мусор. Мусор, который только напомнил ей, какая она никчемная.

Она зашла в маленькую кафешку и купила кофе. Самый дешевый, растворимый, с кислым привкусом. Она сделала глоток и почувствовала, как горечь разливается по телу. Горький кофе говорил правду. Правда была в том, что брат никогда не изменится. И она никогда не изменится. Они оба застряли в своих ролях: он — вечный мечтатель, она — вечный циник. И никто из них не сдвинется с места.

Она вышла из кафе и пошла дальше.

10.

Бизнес-центр «Вектор» оказался высоким зданием из стекла и бетона, похожим на все другие бизнес-центры в городе. Она подошла к главному входу и посмотрела вверх. Там было двадцать этажей, и на каждом этаже горел свет. Там работали люди. У них были деньги, карьеры, планы. У них была жизнь.

Мира толкнула стеклянную дверь и вошла в холл. Холл был огромным, с белыми стенами, мраморным полом и огромной люстрой, которая висела под потолком и сверкала, как новогодняя елка. На стене висела табличка с названиями

всех компаний, которые арендовали офисы в этом здании.

Она нашла в списке «Инновационный центр "Горизонт"». Офис 514. Пятый этаж.

Она подошла к ресепшну. За стойкой сидела девушка с идеальной прической и идеальной улыбкой. Она посмотрела на Миру и улыбнулась еще шире.

— Здравствуйте! Чем я могу вам помочь?

— Мне на пятый этаж, — сказала Мира. — В «Горизонт».

— Пропуск?

— Мне сказали, что его можно получить на ресепшне.

Девушка посмотрела на нее с легким недоумением, потом нажала несколько кнопок на клавиатуре.

— Вы Мира?

— Да.

— Вас ждут. Вот пропуск. Вам на пятый этаж, кабинет 514. Вас встретят.

Она протянула Мире пластиковую карточку. Мира взяла ее и пошла к лифту. Лифт был облицован зеркалами. Она смотрела на свое отражение и видела ту же серую женщину с темными кругами под глазами, которую видела каждое утро. Только сегодня у этой женщины была карточка. И какой-то странный блеск в глазах.

Лифт остановился на пятом этаже. Двери открылись, и она вышла в коридор. Он был длинным, с серыми стенами и белыми дверями. На одной из дверей была табличка: «Инновационный центр "Горизонт"». Офис 514.

Она постучала.

— Войдите, — услышала она голос. Голос был мужским, низким, спокойным.

Она открыла дверь и вошла.

Офис был небольшим. В углу стоял большой деревянный стол, на котором лежали бумаги и стоял ноутбук. За столом сидел мужчина. Она узнала его сразу. Тот самый, который стоял вчера у ее дома. В черном плаще, с портфелем в руке. Теперь он был без плаща, в сером костюме, и выглядел совсем по-другому. Обычно. Почти скучно.

— Мира, — сказал он, вставая. — Я рад, что вы пришли. Садитесь, пожалуйста.

Она села на стул напротив него. Она чувствовала себя неудобно. Она не знала, что сказать. Она не знала, чего ожидать. Она просто сидела и смотрела на него.

— Меня зовут Александр, — сказал он. — Я руководитель этого центра. Я искал вас. Точнее, я искал человека с вашими навыками.

— Какими навыками? — спросила она. — У меня нет никаких навыков, кроме умения ненавидеть людей.

Он улыбнулся.

— Именно это нам и нужно. Мы ищем тестировщика. Но не обычного. Нам нужен человек, который умеет видеть систему. Который умеет находить баги. Который не верит в чудеса. Который циничен и зол. Который готов смотреть правде в глаза.

— Зачем вам такой человек? — спросила она.

— У нас сложный продукт, — сказал он. — Мы разработа-

тываем систему, которая должна изменить мир. Но для этого нам нужно, чтобы система была совершенной. Мы нанимаем лучших тестировщиков. Но ни один из них не справляется. Потому что они видят только то, что лежит на поверхности. Мы ищем того, кто видит то, что скрыто.

Мира смотрела на него и чувствовала, как внутри нее закипает любопытство. Она хотела спросить, что это за система. Она хотела спросить, почему он выбрал именно ее. Она хотела спросить, сколько он заплатит. Но вместо этого она сказала:

— Я не верю в чудеса. Я не верю в то, что мир можно изменить. И я не верю вам.

Он улыбнулся.

— Это нормально. Я не жду, что вы поверите мне. Я прошу вас просто попробовать.

— Попробовать что?

— Работу. Приходите завтра в девять утра. Мы покажем вам, над чем мы работаем. Если вам понравится — вы остаетесь. Если нет — вы уходите. Никаких обязательств. Никаких контрактов.

Мира смотрела на него и чувствовала, как внутри нее борется два голоса. Один говорил: «Это ловушка. Уходи». Другой говорил: «А что ты теряешь? У тебя нет ничего. Только кредиты и просроченный йогурт».

Она встала.

— Я подумаю, — сказала она.

— Не думайте слишком долго, — сказал он. — Дверь открыта только до завтра.

Она вышла из кабинета и пошла к лифту. Она спустилась вниз, вышла на улицу и вдохнула холодный воздух. Она смотрела на бизнес-центр и думала о том, что только что произошло.

Она не знала, что это было. Она не знала, что ее ждет. Но внутри нее что-то изменилось. Что-то, что она не могла объяснить.

Она пошла домой.

Она вернулась в свою квартиру и закрыла дверь. Она сняла куртку, шарф, шапку и села на кровать. Она сидела и смотрела в стену, как делала это всегда, когда не знала, что делать.

Телефон лежал на столе. Она взяла его и посмотрела на экран. Ни звонков, ни сообщений. Только уведомление от банка о том, что у нее на счету три копейки.

Она открыла ящик стола и достала коробку с очками. Она открыла ее и снова посмотрела на них. Они лежали, как мертвые жуки, и смотрели на нее пустыми глазницами.

Она взяла записку и перечитала ее еще раз.

«Мира, это не игрушка. Я сделал их для тебя. Носи их, и ты увидишь, что все не так, как кажется. Прости, что не приехал. P.S. Надевай только утром, на голодный желудок».

Она смотрела на записку и чувствовала, как внутри нее что-то ломается. Она не плакала. Она давно не плакала. Но она чувствовала боль. Боль, которую она прятала так долго.

Она снова надела очки.

На этот раз они включились. Она не знала, что она нажа-

ла, не знала, что изменилось. Но они включились. Надписи снова появились.

Она посмотрела на кровать. Над ней появилась строка:

«[Место отдыха. Уровень износа: 60%. Рекомендуется замена в ближайшие 6 месяцев]».

Она посмотрела на стену. Над ней появилась надпись:

«[Перегородка. Состояние: удовлетворительное. Содержит 17 трещин. Рекомендуется косметический ремонт]».

Она посмотрела на себя в зеркало. Над ее отражением появилась та же надпись:

«[Субъект: Мира. Состояние: критическое. Необходима перезагрузка. Рекомендуется: смена сценария, изменение условий существования, экстренное вмешательство]».

Она сняла очки и посмотрела на них. Теперь она была уверена, что это не глюк. Это было что-то другое. Что-то, что она не могла объяснить.

Она снова надела очки и посмотрела на телефон. Над ним появилась надпись:

«[Устройство связи. Состояние: изношено на 70%. Батарея: 15%. Рекомендуется замена]».

Она посмотрела на окно. Над ним появилась надпись:

«[Стеклопакет. Состояние: удовлетворительное. Уровень шумоизоляции: низкий. Рекомендуется замена]».

Она посмотрела на себя снова. Над ее отражением появилась надпись, которая теперь была длиннее:

«[Субъект: Мира. Состояние: критическое. Уровень стресса: 94%. Уровень голода: 89%. Уровень депрессии: 92%. Рекомендуется: немедленное изменение образа жизни. Альтернатива: самоуничтожение]».

Она сняла очки и положила их на стол.

Она сидела в тишине и смотрела на них. Она не знала, что делать. Она не знала, что это за очки. Она не знала, почему брат прислал их ей. Но она знала одно. Очки показывали правду. Ту правду, которую она не хотела видеть.

Она взяла телефон и набрала номер брата. Трубку никто не взял. Она попробовала еще раз. Никто. Она написала ему

сообщение:

«Макс, я получила твою посылку. Что это за хрень? Ответь мне. Пожалуйста».

Она отправила сообщение и стала ждать. Ответа не было.

Она положила телефон на стол и посмотрела на очки.

— Что ты такое? — спросила она. — И зачем ты мне?

Очки молчали.

Она взяла их в руки и повертела. На дужке она заметила маленькую кнопку, которую не видела раньше. Она нажала на нее. Очки издали тихий звук, похожий на гудение, и на дисплее внутри появился текст:

«Добро пожаловать в систему "Горизонт". Выберите настройки».

Мира замерла.

«Горизонт». Это было название центра, в котором она только что была. Компании, которая предложила ей работу. Компании, в которой работал ее брат? Или нет?

Она смотрела на надпись и не знала, что делать. Она не знала, что это все значит. Но внутри нее загорелось что-то странное. Надежда.

Она снова надела очки. На этот раз настройки были доступны. Она увидела меню, которое висело перед ее глазами. Оно было простым: «Настройки», «Информация», «Помощь».

Она выбрала «Информация». На экране появился текст:

«Система "Горизонт" создана для визуализации объективной реальности. Очки анализируют окружающую среду и отображают информацию в виде текстовых тегов. Данные получены с помощью комбинации сенсоров и алгоритмов машинного обучения. Очки предназначены для использования в диагностических целях. Не пытайтесь использовать систему для принятия важных решений. Помните, что реальность — это субъективный опыт».

Она прочитала текст несколько раз. Она не поняла половины, но поняла главное. Очки показывали правду. Объективную правду. Правду, которую она не хотела видеть.

Она выбрала «Настройки» и увидела список парамет-

ров. Там были: «Цветовое отображение», «Яркость тегов», «Аудиоинтерфейс», «Диагностический режим». Она попробовала включить «Диагностический режим». Очки перезагрузились и снова показали надписи. Но теперь надписи были более подробными.

Она посмотрела на холодильник:

«[Холодильник. Модель: 2015. Состояние: удовлетворительное. Температура: +6°C. Запасы: отсутствуют. Рекомендуется пополнение]».

Она посмотрела на стол:

«[Стол. Материал: ДСП. Состояние: плохое. Сколы: 7. Рекомендуется замена]».

Она посмотрела на себя:

«[Субъект: Мира. Возраст: 32 года. Состояние: критическое. Уровень стресса: 94%. Уровень голода: 89%. Уровень депрессии: 92%. Уровень дофамина: 12%. Рекомендации: немедленное изменение образа жизни. Обратиться к психотерапевту. Увеличить количество положительных стимулов. Сменить работу. Улучшить питание. Начать заниматься спортом]».

Она смотрела на надпись и чувствовала, как внутри нее что-то ломается. Она не могла больше врать себе. Она не могла больше притворяться, что все хорошо. Она была на грани. Она это знала. Она всегда это знала.

Она сняла очки и положила их на стол.

— Что мне делать? — спросила она у пустоты.

Пустота молчала.

Она взяла телефон и снова позвонила брату. Снова никто не взял трубку. Она написала ему еще одно сообщение:

«Макс, я в отчаянии. Что это за очки? Зачем ты их мне прислал? Ответь мне, пожалуйста. Прошу тебя».

Ответа не было.

Она смотрела на телефон и чувствовала, как внутри нее растет паника. Она не знала, что делать. Она не знала, куда идти. Она не знала, кому верить.

Она снова надела очки и посмотрела в окно. На улице было серо, как всегда. Но теперь надписи были везде.

Над машиной во дворе: «[Автомобиль. Модель: 2018. Состояние: удовлетворительное. Требуется замена тормозных колодок]». Над деревом у подъезда: «[Дерево. Порода: тополь. Состояние: хорошее. Возраст: 20 лет]». Над прохожим: «[Человек. Возраст: 40 лет. Состояние: нормальное. Уровень стресса: 45%. Уровень счастья: 70%]».

Она посмотрела на прохожего и почувствовала зависть. У него было 70% счастья. А у нее — 8%. Она никогда не была счастлива. Она даже не знала, что это такое.

Она сняла очки и убрала их в коробку. Она не знала, зачем она их надела. Она не знала, зачем она мучает себя. Но она знала одно. Она не могла больше жить по-старому.

Она лежала на кровати и смотрела в потолок. Семнадцать трещин. Они смотрели на нее, как семнадцать глаз, которые видели ее насквозь.

Она закрыла глаза и заснула.

12.

Проснулась она от звука дрели. Соседи снова сверлили. Она посмотрела на часы. Было 7:30. Она проспала всего два часа.

Она села на кровати и почувствовала, как голова кружится. Она снова не ела. Она вообще забыла, когда ела в последний раз. Может быть, вчера. Может быть, позавчера. Она не помнила.

Она посмотрела на стол. Там лежала коробка с очками. И визитка. Белая, с черным текстом.

«Инновационный центр "Горизонт". Офис: ул. Программистов, 12, бизнес-центр "Вектор", офис 514».

Она смотрела на визитку и чувствовала, как внутри нее что-то меняется. Она не знала, что это. Но она знала, что это что-то важное.

Она встала, пошла на кухню и открыла холодильник. Там было пусто, как и всегда. Она закрыла его и посмотрела на пустую полку, где когда-то стоял йогурт. Она вспомнила, как ела его вчера, и как он был кислым и неприятным.

Она достала из коробки очки и надела их.

«[Субъект: Мира. Состояние: критическое. Рекомендация: изменение образа жизни. Сменить работу. Обратиться к специалисту. Улучшить питание]».

Она сняла очки и посмотрела на визитку.

— Ты хочешь, чтобы я пошла туда? — спросила она у очков.

Очки молчали.

Она взяла визитку и положила в карман.

— Ладно, — сказала она. — Я пойду. У меня нет других вариантов.

Она надела куртку, намотала шарф и вышла из квартиры. Она спустилась по лестнице, вышла на улицу и пошла к бизнес-центру.

На улице было серо, как всегда. Но теперь она чувствовала что-то новое. Страх, смешанный с надеждой. Она боялась, что этот шанс окажется ловушкой. Но она надеялась, что все будет по-другому.

Она вошла в бизнес-центр, прошла через турникет и поднялась на лифте на пятый этаж. Она постучала в дверь офиса 514.

— Войдите, — услышала она голос.

Она открыла дверь и вошла. Александр сидел за тем же столом, с тем же ноутбуком и теми же бумагами. Он посмотрел на нее и улыбнулся.

— Я знал, что вы придете, — сказал он.

— Я не знаю, зачем я здесь, — сказала она. — Я не знаю, что мне делать.

— Все просто, — сказал он. — Вы будете работать над системой "Горизонт". Вы будете ее тестировать. Вы будете находить ошибки. Вы будете делать ее лучше.

— Что это за система? — спросила она.

— Это система, которая изменит мир, — сказал он. — Но я не буду вам ничего рассказывать. Я хочу, чтобы вы сами все увидели. Наденьте это.

Он протянул ей очки. Такие же, как у нее дома. Но новые. Сверхъестественные. С датчиками и светодиодами.

Она взяла очки и надела их. Внутри нее загорелся свет. Она увидела мир таким, каким никогда не видела его рань-

ше. Она увидела реальность. Без прикрас. Без иллюзий. Без лжи.

И в этот момент она поняла, что ее жизнь никогда не будет прежней.

— Добро пожаловать в реальность, Мира, — сказал Александр. — Или, по крайней мере, в ту ее версию, которую мы создали.

Мира смотрела на мир вокруг нее и чувствовала, как внутри нее что-то ломается и перестраивается заново. Она знала, что она не сможет вернуться к старой жизни. Она знала, что этот день изменит все.

Она сняла очки и посмотрела на Александра.

— Я согласна, — сказала она. — Я буду работать с вами.

Он улыбнулся.

— Я знал, что вы согласитесь. Вы одна из нас.

— Я не верю в чудеса, — сказала она. — Я не верю в то, что мир можно изменить.

— Я знаю, — сказал он. — Именно поэтому вы нам и нужны.

Она смотрела на него и чувствовала, как внутри нее загорается что-то новое. Надежда. Злость. Желание изменить мир.

Она не знала, что ее ждет впереди. Но она знала одно. Она больше не будет сидеть в своей квартире и ждать, пока мир сломается. Она сама будет его ломать.

— Хорошо, — сказала она. — Я готова начать.

13.

Через час Мира сидела в небольшой комнате, которая была оборудована как рабочее пространство. На стене висел огромный монитор, на котором отображались какие-то графики, диаграммы и текстовые блоки. В центре комнаты стоял стол, на котором лежал ноутбук и несколько пар очков.

Александр стоял рядом и объяснял ей, как работает система.

— Мы создаем дополненную реальность, Мира, — сказал он. — Но не для развлечений. Для диагностики. Для того,

чтобы люди могли видеть реальность такой, какая она есть. Без иллюзий. Без лжи. Без самообмана.

— Зачем это нужно? — спросила она. — Люди не хотят видеть правду. Они хотят, чтобы им ввали.

— Именно поэтому мы и создали эту систему, — сказал он. — Люди не хотят видеть правду, но они должны ее видеть. Они должны понимать, что происходит вокруг них. Они должны видеть свои ошибки. Свои проблемы. Свои возможности.

— И вы думаете, что это поможет? — спросила она.

— Это уже помогает, — сказал он. — Мы провели несколько экспериментов. Люди, которые используют нашу систему, начинают менять свою жизнь. Они начинают видеть то, что они раньше не замечали. Они начинают действовать.

— Или начинают ненавидеть себя еще больше, — сказала она.

— Иногда это неизбежно, — сказал он. — Но это первый шаг к изменениям. Вы должны ненавидеть себя, чтобы захотеть измениться.

Она посмотрела на него и почувствовала, что он прав. Она ненавидела себя. Она всегда ненавидела себя. И именно это заставило ее прийти сюда. Именно это заставило ее попробовать что-то новое.

— Что я должна делать? — спросила она.

— Просто начните смотреть, — сказал он. — Наденьте очки и смотрите на мир. Записывайте все, что видите. Все, что чувствуете. Все, что думаете. А потом мы поговорим.

Она надела очки и снова увидела мир таким, каким он был на самом деле. Надписи появились над всем. Над столом, над компьютером, над Александром.

Над Александром была надпись:

«[Субъект: Александр. Возраст: 38 лет. Состояние: хорошее. Уровень стресса: 30%. Уровень счастья: 85%. Уровень лжи: 20%. Рекомендуется: продолжать заниматься проектом]».

Она смотрела на эту надпись и думала о том, что он лжет ей на 20%. Она не знала, о чем он лжет. Но она знала, что он лжет. И это было важно.

— Что вы видите? — спросил он.

— Я вижу правду, — сказала она. — Но я не знаю, что с ней делать.

— Это придет с опытом, — сказал он. — Просто смотрите. И запоминайте.

Она смотрела и запоминала.

Она увидела, что ее жизнь была ложью. Она увидела, что она не жила, а существовала. Она увидела, что у нее есть выбор. И она решила, что она не будет больше выбирать ложь.

Она сняла очки и посмотрела на Александра.

— Я готова работать, — сказала она.

— Я знал, — сказал он. — Вы одна из нас.

14.

Она ушла из офиса только вечером. Выходя из бизнес-центра, она чувствовала, как внутри нее что-то меняется. Она не знала, что это. Но она знала, что это что-то важное.

Она шла по серой улице и смотрела на людей вокруг. Теперь она видела их иначе. Она видела их страхи, их проблемы, их ложь. Она видела, что они все такие же, как она. Потерянные, напуганные, одинокие.

Она зашла в маленький магазин и купила хлеб и молоко. Самые дешевые. Самые простые. Она шла домой и думала о том, что, возможно, впервые за долгое время у нее есть план.

Она открыла дверь своей квартиры и вошла. Она поставила продукты на стол и сняла куртку. Она посмотрела на себя в зеркало и увидела ту же самую женщину, которую видела каждое утро. Только теперь у этой женщины был выбор.

Она достала из рюкзака очки, которые дал ей Александр, и положила их на стол. Они лежали рядом с коробкой, которую прислал ее брат.

Она смотрела на них и думала о том, как все странно. Ее брат прислал ей очки. Незнакомый мужчина предложил ей работу. И все это произошло за один день.

Она взяла телефон и снова позвонила брату. На этот раз трубку взяли.

— Алло, — услышала она голос. Голос был знакомым, но каким-то чужим.

— Максим, это ты? — спросила она.

— Мира, — сказал он. — Я знал, что ты позвонишь.

— Что это за очки? — спросила она. — Что это все значит?

— Это мой проект, — сказал он. — Я работаю над этим уже два года. Я хотел, чтобы ты увидела это. Я хотел, чтобы ты поняла.

— Поняла что?

— Что у тебя есть выбор, — сказал он. — Что ты можешь изменить свою жизнь. Что ты не обязана быть той, кем ты стала.

Мира смотрела на очки на столе и чувствовала, как внутри нее что-то ломается. Она хотела закричать, заплакать, засмеяться. Но она просто стояла и слушала.

— Почему ты не сказал мне раньше? — спросила она.

— Потому что ты не была готова, — сказал он. — Ты была слишком зла. Слишком напугана. Ты не видела выхода.

— А теперь я готова?

— Теперь да. Ты сделала первый шаг. Ты пошла в «Горизонт». Ты надела очки. Ты увидела правду.

Мира молчала. Она не знала, что сказать. Она не знала, что чувствовать.

— Я прошу тебя об одной вещи, Мира, — сказал он. — Дай шанс этой системе. Дай шанс себе. Пожалуйста.

Она смотрела на очки и думала о том, что, возможно, это действительно шанс. Шанс на что-то новое. Шанс на то, чтобы начать сначала.

— Хорошо, — сказала она. — Я попробую.

— Спасибо, — сказал он и положил трубку.

Мира стояла посреди комнаты и смотрела на очки. Она не знала, что ее ждет впереди. Но она знала одно. Она больше не будет сидеть и ждать, пока мир сломается. Она сама начнет его ломать.

Она взяла очки и надела их.

«[Субъект: Мира. Состояние: критическое. Но есть потенциал. Рекомендация: продолжать двигаться вперед]».

Она улыбнулась. Первая улыбка за долгое время.

— Хорошо, — сказала она. — Я готова.

Она сняла очки и легла на кровать. Она смотрела в потолок и считала трещины. Семнадцать трещин. Как семнадцать лет ада.

Но завтра будет новый день. И она будет готова к нему.

Конец главы 2.

Глава 3. Первый тест.

1.

Будильник зазвенел ровно в 7:30.

Мира открыла глаза за секунду до того, как динамик смартфона издал первый противный писк. Но в этот раз она не почувствовала привычной волны ненависти к утру, к будильнику, к миру, который осмелился начать новый день без ее разрешения. Вместо этого в груди пульсировало что-то другое. Что-то, что она не могла назвать точно. Напряжение. Любопытство. И странное, почти забытое чувство, которое она когда-то испытывала в детстве, когда знала, что сегодня произойдет что-то важное.

Она лежала на кровати и смотрела в потолок.

Семнадцать трещин.

Но сегодня они не казались ей картой ее разрушенной жизни. Сегодня они казались просто трещинами. Обычными, скучными, неважными. Ее взгляд скользнул по ним, и она не стала считать, не стала называть их по именам, не стала искать в них смысл. Сегодня у нее были другие дела.

Она повернула голову и посмотрела на стол.

Там лежали очки.

Две пары. Одна — в старой картонной коробке, которую принес курьер. Коробка была помятой, с пожелтевшим скот-

чем, и выглядела так, будто ее достали из самой глубокой задницы этого мира. Внутри лежали те самые очки, которые прислал брат. Громоздкие, неуклюжие, с тускло мерцающими светодиодами, которые, казалось, дышали в такт с ее сердцебиением.

Рядом с коробкой лежала вторая пара. Новая. Блестящая. Сверхъестественная. Очки, которые дал ей Александр вчера в офисе «Горизонта». Они были легче, совершеннее, с более четкими линзами и более чувствительными датчиками. Они выглядели так, будто их создали не в этом мире, а в каком-то другом, где технологии опережали время на десятилетия.

Мира села на кровати.

Она не чувствовала голода. Не чувствовала усталости. Не чувствовала той привычной тяжести в теле, которая обычно сопровождала каждое ее пробуждение. Вместо этого она чувствовала, как внутри нее бурлит энергия. Нервная, колючая, опасная.

Она встала и подошла к столу.

Взяла очки «Горизонт» в руки. Они были холодными, гладкими, идеально сбалансированными. Она провела пальцем по оправе, и один из датчиков моргнул зеленым светом,

как будто узнал ее.

— Привет, — прошептала она. — Готова к работе?

Очки молчали. Но она знала, что они готовы. Она была готова.

Она посмотрела на коробку, в которой лежали очки брата. Взяла ее, открыла, достала записку. Почерк Максима — знакомый, неровный, с наклоном влево, как будто он всегда торопился и не успевал доводить буквы до конца.

«Мира, это не игрушка. Я сделал их для тебя. Носи их, и ты увидишь, что все не так, как кажется. Прости, что не приехал. P.S. Надевай только утром, на голодный желудок. Макс».

Она перечитала записку в пятый раз. Или в десятый. Она потеряла счет. Каждый раз, когда она читала эти строки, внутри нее поднималась волна. Не злости. Не обиды. А чего-то другого. Смеси боли и понимания. Она поняла, что брат не бросил ее. Он просто ждал. Ждал, когда она будет готова. Когда она сможет увидеть.

— Я готова, — сказала она вслух. — Я готова, Макс.

Она положила записку обратно в коробку и закрыла ее. Потом взяла очки «Горизонт» и надела их.

Мир изменился.

Не так резко, как вчера. Не так пугающе. Но он изменился. Надписи появились над предметами, но теперь они были более четкими, более детализированными. Она видела не просто теги, а целые системы. Связи. Закономерности.

Она посмотрела на холодильник:

«[Холодильник. Модель: 2015. Состояние: удовлетворительное. Температура: +6°C. Запасы: отсутствуют. Рекомендуются пополнение. Примечание: субъект игнорирует потребности организма в течение 48 часов]».

Она усмехнулась. Очки не просто показывали правду. Они показывали ее с такими подробностями, которые она сама от себя скрывала.

Она посмотрела на себя в зеркало. Над ее отражением появилась новая надпись:

«[Субъект: Мира. Режим: диагностика. Готовность к тесту: 92%. Уровень стресса: 67%. Уровень дофамина: 34%

(повышен по сравнению с предыдущим днем). Рекомендуются: действовать. Примечание: субъект демонстрирует признаки мотивации]».

Она сняла очки и посмотрела на свое отражение без них. Та же серая женщина с темными кругами под глазами. Та же растрепанная голова, та же дешевая водолазка. Но внутри все было по-другому. Она больше не была просто жертвой системы. Она была ее наблюдателем. Ее аналитиком. Ее тестирующим.

Она вспомнила вчерашний разговор с Александром. Он стоял у окна своего кабинета, держал в руках чашку с кофе и смотрел на нее с легкой улыбкой, которая не была ни насмешливой, ни снисходительной. Просто понимающей.

«Теория — это хорошо, Мира, — сказал он. — Но наша система работает только в реальном мире. Завтра у тебя будет первое задание. Просто тест. примени очки там, где они могут принести результат. Где ты увидишь несправедливость».

Она тогда нахмурилась.

«Несправедливость? Это слишком общее понятие. Несправедливость везде. В моей квартире, в метро, в офи-

се, в банке, в магазине. Ты хочешь, чтобы я пошла и просто указала на нее?»

Александр покачал головой.

«Нет. Я хочу, чтобы ты использовала очки, чтобы найти точку, где ты можешь изменить что-то прямо сейчас. Где ты можешь не просто увидеть несправедливость, но и исправить ее. Где система может быть использована, чтобы восстановить баланс».

Она смотрела на него и чувствовала, как внутри нее закипает любопытство. Он не давал ей инструкций. Он не говорил, что делать. Он просто давал ей инструмент и ждал, что она сама найдет способ его применить.

«Как я пойму, что это сработало?» — спросила она.

«Ты поймешь, — сказал он. — Когда система начнет работать на тебя, ты это почувствуешь. Это как если бы ты всю жизнь ходила по лабиринту с завязанными глазами, а потом кто-то снял повязку. Ты увидишь выход. И ты поймешь, что он всегда был там. Ты просто не могла его видеть».

Она вышла из его кабинета с очками в руках и с мыслью, которая крутилась в голове, как заевшая пластинка. «Где я

могу увидеть несправедливость? Где я могу изменить что-то прямо сейчас?».

И ответ пришел сам собой.

Ломбард.

Она думала об этом всю дорогу домой. О том, как два года назад она принесла туда мамино обручальное кольцо. Единственное, что осталось от матери. Золотое, тонкое, с крошечным бриллиантом, который даже не был настоящим, но который мама носила всю жизнь. Мира тогда нуждалась в деньгах. Остро. Критично. Ей нужно было заплатить за квартиру, иначе ее выселяли. Она пошла в ломбард с этим кольцом, и оценщик, тот же самый толстый мужчина с жирными волосами, посмотрел на него, покрутил, взвесил и сказал: «Бижутерия. Сто рублей».

Она тогда ничего не сказала. Она взяла сто рублей и ушла. Она заплатила за квартиру, но в ту ночь не спала. Она смотрела в потолок и ненавидела себя. За то, что позволила обмануть себя. За то, что не нашла сил сказать ему правду. За то, что была слабой.

Теперь у нее была сила.

Она подошла к шкафу и открыла дверцу. Вещи торчали из него, как из переполненного чемодана. Она перебирала их, пока не нашла старую шкатулку. Маленькую, деревянную, с выцветшей красной бархатной подкладкой. Шкатулка принадлежала бабушке. В ней лежали украшения, которые не носили, но которые хранили как память.

Она открыла шкатулку и достала сережки.

Маленькие, изящные, с крошечным аметистом в центре. Бабушка носила их только по праздникам. Она говорила, что это «на выход». Мира помнила, как бабушка надевала их перед Новым годом, перед днем рождения, перед тем, как идти в гости. Она всегда говорила: «Красивые вещи должны радовать, а не пылиться в шкатулке».

Мира смотрела на сережки и чувствовала, как внутри нее что-то сжимается. Она не хотела продавать их. Она хотела вернуть их потом. Когда все наладится. Когда она сможет позволить себе их выкупить. Если она сможет.

— Я верну вас, — прошептала она, глядя на сережки. — Я просто возьму их с собой как предлог. Я не продам их. Обещаю.

Она положила сережки в карман куртки и закрыла шка-

тулку. Потом надела ту же старую куртку, намотала бабушкин шарф и посмотрела на себя в зеркало. Сегодня она выглядела иначе. Не потому что что-то изменилось в ее внешности. А потому что в ее глазах появился блеск. Тот самый блеск, который она видела у других людей и всегда завидовала им. Блеск уверенности.

Она надела очки «Горизонт» и снова посмотрела на себя:

«[Субъект: Мира. Режим: диагностика. Готовность к тесту: 92%. Рекомендуются: действовать]».

Она улыбнулась своему отражению.

— Действовать, — сказала она. — Я умею действовать.

Она вышла из квартиры и закрыла дверь.

2.

Улица встретила ее серым утром. Небо висело низко, как потолок в ее квартире. Моросил мелкий дождь, который превращал асфальт в зеркало, отражающее серые здания и серые лица прохожих. Мира надела капюшон и пошла в сторону ломбарда.

Она не знала, почему она выбрала именно этот ломбард. Их было много в городе, но этот был особенным. Она помнила его с первого дня, когда приехала в этот район. Он находился в подвальном помещении старого дома, с вывеской, которая давно выцвела и треснула. Над входом висела ржавая табличка: «Ломбард. Скупка золота. Прием техники». Под табличкой была надпись, сделанная от руки черным маркером: «Дорого. Быстро. Честно».

«Честно», — подумала Мира и усмехнулась. Именно это слово было самым большим обманом.

Она подошла к входу. Дверь была тяжелой, металлической, с зарешеченным окошком. Она толкнула ее и вошла внутрь.

Ломбард встретил ее запахом. Смесью старой пыли, металла, сырости и чужих жизней. Это был специфический запах, который невозможно спутать ни с чем. Он пах отчаянием. Он пах теми людьми, которые переступали этот порог, когда у них не оставалось выбора. Он пах слезами, которые они проливали, когда отдавали последнее, что у них было. Он пах ложью оценщиков, которые наживались на чужой беде.

Мира остановилась на пороге и осмотрелась.

Помещение было тесным, с низким потолком, на котором висела одна-единственная лампа дневного света. Она горела тускло, словно уставшая от своей работы. Стены были окрашены в грязно-желтый цвет, который когда-то был бежевым. На них висели объявления, напечатанные на дешевой бумаге: «Скупка золота по выгодным ценам!», «Деньги сразу!», «Без комиссии!». Каждое объявление кричало о честности, и каждое было ложью.

За стеклянной витриной лежали чужие жизни. Обручальные кольца разных размеров, некоторые с гравировкой, которую владельцы когда-то выбирали с любовью. Столовое серебро — ложки, вилки, чайные ложечки, которые когда-то были частью семейных обедов. Старая техника — телефоны, ноутбуки, планшеты, которые когда-то были новыми и желанными. Все это лежало за стеклом, как экспонаты в музее человеческой слабости.

За прилавком сидел оценщик.

Мира узнала его сразу. Тот же толстый мужчина с жирными волосами, зачесанными на одну сторону, с маленькими, хитрыми глазками, которые бегали по сторонам, как у крысы. На нем была клетчатая рубашка, застегнутая на все пуговицы, но нижняя пуговица не держалась, и из-под рубаш-

ки выглядывало бледное, дряблое брюхо. Он сидел на высоком стуле, подперев голову рукой, и смотрел на экран старого монитора, на котором что-то считалось и пересчитывалось. Когда Мира вошла, он поднял на нее взгляд. Его глаза сузились, и она увидела, что он узнал ее. Не по имени. Он помнил ее лицо. Помнил ту женщину, которая принесла обручальное кольцо и согласилась на сто рублей.

— Здравствуйте, — сказала она, подходя к прилавку.

Он не ответил. Просто смотрел на нее, ожидая, что она скажет. У него был взгляд человека, который привык, что люди приходят к нему только тогда, когда они в беде. Когда они готовы отдать все, что угодно, за немного денег. И он пользовался этим. Он пользовался их слабостью.

Мира достала из кармана бабушкины сережки и положила их на прилавок.

— Я хочу продать это, — сказала она.

Он взял сережки в руки. Его пальцы были толстыми, с грязными ногтями, и они двигались медленно, ощупывая каждую деталь. Он поднес их к глазам, посмотрел на свет, понюхал. Потом взвесил на маленьких весах, стоящих рядом с кассой. Он делал все это с выражением лица, которое го-

ворило: «Я знаю, что это дешевка, но я буду делать вид, что думаю».

Он положил сережки на прилавок и посмотрел на Миру.

— Бижутерия, — сказал он. — Стекло. Обычная дешевая бижутерия. Я могу дать за них пятьсот рублей.

Мира смотрела на него и чувствовала, как внутри нее закипает злость. Она помнила этот тон. Помнила это пренебрежение. Он использовал его каждый раз, чтобы сбить цену. Чтобы заставить человека чувствовать себя виноватым за то, что он принес что-то такое «дешевое». Чтобы человек согласился на любые деньги, лишь бы не чувствовать себя униженным.

Но Мира не была тем человеком. Не сегодня.

Она медленно, спокойно, без лишних движений надела очки «Горизонт». Оценщик посмотрел на нее с удивлением. Он не понял, что это за странная вещь на ее лице. Но он не спросил. Он просто ждал.

Мира сфокусировала взгляд на оценщике и активировала систему.

Внутри очков появился тег. Четкий, детальный, с голографической подсветкой, которая мерцала на границе ее поля зрения. Она прочитала его и почувствовала, как внутри нее разливается холодное, ледяное спокойствие.

«[Субъект: Оценщик. Идентификатор: неизвестен. Профессия: систематический мошенник. Состояние: лживое. Уровень достоверности информации: 0%. Уровень занижения цены: 300% от рыночной стоимости. Привычка: называть золото бижутерией в 94% случаев. Рекомендуемое действие: использование информации]».

Она перевела взгляд на сережки, которые лежали на прилавке. Очки просканировали их и вывели новую информацию:

«[Изделие: серьги с аметистом. Материал: золото 585 пробы. Вес: 4.7 грамма. Рыночная стоимость: 15 000 рублей (по курсу золота на текущую дату). Состояние: удовлетворительное. Дополнительная информация: изделие имеет историческую ценность для владельца]».

Мира смотрела на цифры и чувствовала, как внутри нее нарастает уверенность. Пятнадцать тысяч рублей. А он предлагал ей пятьсот. Тридцать раз меньше. Система показала ей его ложь, и теперь он был беззащитен.

Она снова перевела взгляд на оценщика и увидела дополнительную информацию. В углу тега, мелкими буквами, была выведена история его операций за последний месяц. Система «Горизонт» не просто показывала его ложь. Она давала ей цифры. Даты. Суммы.

Она видела, как он оценил золотую цепочку в тысячу рублей, хотя ее реальная стоимость была три тысячи. Она видела, как он взял старую монету, которая стоила пятьдесят тысяч, и отдал за нее пять. Она видела, как он записывал эти суммы в «черную тетрадь», которая лежала под прилавком, и как он перепрятывал ее в конце каждого дня.

Мира сняла очки и положила их на прилавок рядом с се-режками.

Она посмотрела на оценщика с холодной, ледяной улыбкой, которая не касалась ее глаз. Она не злилась. Она не нервничала. Она контролировала ситуацию. Впервые в жизни она чувствовала, что она сильнее.

— Вы ошибаетесь, — сказала она спокойно.

Он нахмурился.

— Простите?

— Вы сказали, что это бижутерия, — продолжила она, глядя ему прямо в глаза. — Но это не так. Это золото 585 пробы, четыре грамма семьсот миллиграммов. В нем аметист, а не стекло. И оно стоит пятнадцать тысяч рублей. Не пятьсот.

Его лицо изменилось. Тень пробежала по его жирным щекам. Он попытался улыбнуться, но улыбка была фальшивой, как и все, что он говорил.

— Я не знаю, откуда у вас такая информация, — сказал он. — Но я здесь работаю уже двадцать лет. Я знаю золото. Это бижутерия. Давайте не будем тратить друг друга время. Пятьсот рублей. Это мое последнее слово.

Мира покачала головой.

— Нет. Мы не закончили.

Она сделала шаг к прилавку и оперлась на него руками. Ее лицо было в нескольких сантиметрах от его лица. Она смотрела ему в глаза и видела, как в них зажигается страх. Она видела, как он пытается сохранить самообладание, но у него это не получается.

— Я знаю про вашу черную тетрадь, — сказала она тихо, почти шепотом. — Я знаю, что вы записываете в нее каждую сделку, которую проводите мимо кассы. Я знаю, что в прошлом месяце вы взяли золотое кольцо за пять тысяч и продали его своему знакомому за двадцать. Я знаю, что вы занижаете стоимость в три раза каждый раз, когда видите человека, который отчаялся.

Он побледнел. Его руки, которые лежали на прилавке, начали дрожать. Он попытался что-то сказать, но его голос предал его.

— Я... я не знаю, о чем вы говорите, — пробормотал он.

— Знаете, — сказала Мира. — Вы отлично знаете. И теперь у вас есть выбор. Вы можете отдать мне за эти серьги их реальную стоимость. Или я могу рассказать налоговой о вашей маленькой схеме. Я могу рассказать вашему начальству о том, как вы обворовываете компанию. Я могу пойти в полицию. Решать вам.

Он смотрел на нее и не верил своим глазам. Эта серая женщина, которая пришла к нему два года назад с обручальным кольцом и согласилась на сто рублей, теперь стояла перед ним и диктовала свои условия. Она была непоколебима.

Она была холодна. Она была опасна.

— Вы не можете ничего доказать, — сказал он, пытаясь взять себя в руки.

Мира улыбнулась.

— Я могу доказать всё. Я знаю, где лежит тетрадь. Я знаю, как вы ее перепрятываете в конце дня. Я знаю, что в ней есть записи за последние три года. Вы хотите, чтобы я проверила?

Он замолчал. Он смотрел на нее, и в его глазах была ненависть. Но была и капитуляция. Он понял, что она его поймала. Что она держит его за горло, и он не может вырваться.

— Что вы хотите? — спросил он наконец. Голос его был тихим, сдавленным.

— Я хочу получить за эти серьги их настоящую стоимость, — сказала Мира. — Но это еще не всё.

Она наклонилась ближе и посмотрела ему прямо в глаза.

— Я хочу продать вам кое-что другое. Это очень важно для меня. Это золото моего брата. По документам оно стоит две тысячи долларов. Вы дадите мне за него две тысячи

долларов. Или я расскажу всё.

Он смотрел на нее, и его лицо исказилось.

— Две тысячи долларов? У меня нет таких денег!

— Вы врете, — сказала Мира. — За последний месяц вы заработали на черных сделках больше двадцати тысяч долларов. Вы можете отдать мне две тысячи. Это меньше десяти процентов от вашего дохода. Вы не разоритесь.

Он молчал. Она видела, как его мозг лихорадочно работает, ищет выход, ищет лазейку. Но выхода не было. Она перекрыла все пути.

— Я дам вам тысячу, — сказал он наконец.

— Две, — ответила Мира.

— Полторы.

— Две, — повторила она. — И вы отдадите мне мои серьги обратно.

Он смотрел на нее и понимал, что не может выиграть. Она была сильнее. Она была умнее. Она была готова идти до кон-

ца.

Он вздохнул, и его плечи опустились.

— Хорошо, — сказал он. — Я дам вам две тысячи.

3.

Мира стояла у прилавка и смотрела, как оценщик открывает сейф. Тяжелая металлическая дверца скрипнула, и он начал перебирать пачки денег. Его руки дрожали, и она видела, как он злится на себя за то, что позволил ей победить. Она не чувствовала к нему жалости. Она чувствовала только холодное удовлетворение.

Он отсчитал две тысячи долларов. Хрустящие, почти новые купюры. Он положил их на прилавок, рядом с сережками.

— Вот, — сказал он, не глядя ей в глаза. — Берите. И уходите.

Мира взяла деньги и пересчитала их. Двадцать стодолларовых купюр. Они были настоящими. Она провела пальцем по одной из них, чувствуя текстуру бумаги, и улыбнулась.

— Спасибо, — сказала она.

Он ничего не ответил. Он смотрел в сторону, в пустоту, и его лицо было непроницаемым.

Мира взяла сережки и положила их обратно в карман. Потом убрала деньги в рюкзак. Она чувствовала их тяжесть, их реальность. Две тысячи долларов. Впервые в жизни она держала в руках такую сумму.

Она повернулась, чтобы уйти, но остановилась у двери. Обернулась и посмотрела на оценщика.

— Я запомню вас, — сказала она. — И если я узнаю, что вы продолжаете обманывать людей, я приду снова. И тогда я не попрошу денег. Я просто сдам вас.

Он смотрел на нее с ненавистью, которая горела в его глазах, как уголь.

— Это твое, — сказал он. — Но я тебя запомнил.

Мира улыбнулась.

— Знаю. Я тоже.

Она вышла из ломбарда и закрыла за собой тяжелую дверь.

4.

На улице все так же моросил дождь. Небо было серым, низким, давящим. Но Мира чувствовала, что внутри нее светит солнце. Она стояла на тротуаре, сжимая рюкзак с деньгами, и чувствовала, как адреналин пульсирует в ее жилах.

Она сделала это.

Она не просто обманула обманщика. Она восстановила справедливость. Она вернула себе то, что принадлежало ей. Она показала себе, что она может быть сильной. Что она может контролировать ситуацию. Что она не жертва.

Она сняла очки и посмотрела на них. Они все еще мерцали зеленым светом, как будто были довольны ее работой.

— Спасибо, — прошептала она.

Она убрала очки в рюкзак и пошла по улице. Она не знала, куда она идет. Она просто шла, наслаждаясь чувством свободы, которое она не чувствовала годами.

Она достала телефон и посмотрела на уведомление от банка. Там все еще было три копейки. Она улыбнулась. Теперь это не имело значения. У нее были две тысячи долларов. Она могла заплатить за квартиру. Она могла купить еду. Она могла начать новую жизнь.

Она остановилась у скамейки и села. Дождь капал на ее капюшон, но ей было все равно. Она смотрела на телефон и думала о том, что произошло.

Ее жизнь изменилась за один день. Она пришла в ломбард как жертва. Она вышла как победительница.

Она открыла приложение для сообщений и начала писать. Сначала брату.

«Первый шаг сделан. Я заработала. Это работает. Спасибо».

Она отправила сообщение и почувствовала, как внутри нее разливается тепло. Она не знала, прочтает ли он его. Она не знала, ответит ли он. Но она знала, что она сделала это для него. Для себя. Для них обоих.

Потом она написала Александру.

«Задание выполнено. Я готова к следующему шагу».

Она отправила сообщение и убрала телефон в карман. Она сидела на скамейке и смотрела на серое небо, и чувствовала, как внутри нее что-то меняется. Она больше не была той Мирой, которая ненавидела утро и просыпалась за секунду до будильника. Она была другой. Она была сильнее. Она была свободнее.

Она встала и пошла домой. У нее были деньги. У нее были очки. У нее был план. И она знала, что это только начало.

Она шла по мокрым улицам и улыбалась. Впервые за долгое время она улыбалась искренне. Она улыбалась потому, что знала: сегодня она выиграла. И завтра она выиграет снова.

Она подошла к своему дому и остановилась. Она посмотрела вверх, на свое окно, и подумала о том, как все изменилось за два дня. Два дня назад она была потеряна. Два дня назад у нее не было надежды. А сегодня у нее были деньги, очки и вера в то, что все будет хорошо.

Она вошла в подъезд и начала подниматься по лестнице. Семь этажей. Восемьдесят четыре ступеньки. Она считала их, но не потому что хотела злиться. А потому что это был

ее ритуал. Ее напоминание о том, что она не сдалась.

Она открыла дверь квартиры и вошла. Сняла куртку, шарф, шапку. Положила рюкзак на стол и достала деньги. Две тысячи долларов. Она смотрела на них и не верила своим глазам. Они были настоящими. Они были ее.

Она взяла сережки и положила их обратно в шкатулку. Они были спасены. Они вернулись домой.

Она села на кровать и посмотрела в потолок. Семнадцать трещин. Она улыбнулась им. Они были ее домом. Ее убежищем. Ее историей. И теперь у нее была история, которую она могла рассказать. История о том, как она победила.

Она достала очки «Горизонт» и надела их. Посмотрела на себя в зеркало. Над ее отражением появилась новая надпись:

«[Субъект: Мира. Состояние: улучшается. Уровень дофамина: 78%. Уровень стресса: 34%. Рекомендуется: продолжать действовать. Примечание: первый тест пройден успешно. Субъект демонстрирует высокую эффективность в стрессовых ситуациях. Прогноз: положительный]».

Она сняла очки и положила их на стол.

— Я сделала это, — сказала она себе. — Я действительно сделала это.

Она легла на кровать и закрыла глаза. Она чувствовала усталость. Приятную усталость. Усталость после хорошей работы. Она знала, что завтра будет новый день. Новые задания. Новые вызовы. Но сегодня она могла позволить себе отдохнуть.

Она уснула, и ей снилось, что она стоит на вершине горы и смотрит на мир. Мир был серым, как всегда. Но она знала, что он не такой, каким кажется. Она знала, что за этим серым небом есть солнце. И она знала, что сможет его найти.

Конец главы 3.

Глава 4. Ключ

1. Утро после победы

Будильник зазвенел ровно в 7:30.

Мира открыла глаза за секунду до того, как динамик смартфона издал первый противный писк. Она всегда про-

сыпалась за секунду до будильника. Это не был дар, это была привычка, выработанная годами ненависти к резким звукам. Но сегодня в этой привычке не было злости. Сегодня она просто констатировала факт: она проснулась, мир существует, и у нее есть две тысячи долларов.

Она лежала на спине, глядя в потолок. Семнадцать трещин. Она знала их все по именам. Самая длинная, извилистая, напоминала карту реки Амазонки. Она начиналась у люстры, тянулась к углу, где стоял старый шкаф, и там разветвлялась на три более мелких, похожих на высохшие русла. Вторая была прямой и короткой, как удар ножом, — она пересекала первую, образуя крест. Третья была почти незаметной, тонкой, как паутинка, и появлялась каждый раз, когда соседи сверху начинали сверлить. Мира не была уверена, что трещины действительно появлялись от сверления, но ей нравилось думать, что мир рушится вместе с ее терпением.

Раньше она смотрела на эти трещины и видела карту своей разрушенной жизни. Каждая из них была символом того, что сломалось внутри нее: надежда, вера, любовь к себе, способность радоваться. Она дала им имена не потому, что любила их, а потому что ненавидела. Она называла их «Предательство», «Потеря», «Одиночество», «Страх», «Долги», «Работа», «Начальник», «Клиенты», «Метро», «Дождь», «Голод», «Усталость», «Бессонни-

ца», «Зеркало», «Шарф», «Брат» и «Смерть». Семнадцать трещин — семнадцать причин ненавидеть свою жизнь.

Но сегодня она смотрела на них иначе.

Они были просто трещинами. Трещинами в бетоне, который когда-то залили плохие строители. Трещинами в дешевой краске, которую нанесли в спешке, чтобы сдать дом в эксплуатацию. Трещинами, которые не имели к ней никакого отношения. Она не создавала их. Она не выбирала их. Они просто были, как дождь за окном, как шум метро, как запах сырости в подъезде. Они были частью фона, на котором разворачивалась ее жизнь, но больше не были ее жизнью.

Она перевела взгляд на стол.

Там лежал рюкзак. Старый, потертый, с оторванным ремешком, который она зашила синей ниткой. В рюкзаке лежал ноутбук — рабочий, тяжелый, с треснутым углом. Но сегодня Мира смотрела не на ноутбук. Она смотрела на карман рюкзака, где лежали две тысячи долларов. Двадцать хрустящих стодолларовых купюр. Она чувствовала их присутствие, даже не видя их. Они лежали там, как живое существо, как зверь, которого она приручила.

Она села на кровати.

Голова не кружилась. Обычно по утрам у нее кружилась голова от голода и недосыпа. Она часто забывала поесть накануне, и утро встречало ее тупой болью в висках и слабостью в ногах. Но сегодня она не чувствовала ни голода, ни слабости. Она чувствовала только подъем. Адреналин предыдущего дня все еще бурлил в ее крови, как горный поток. Он разгонял кровь по венам, заставлял сердце биться быстрее, наполнял каждую клетку тела энергией, которой у нее не было уже много лет.

Она посмотрела на свои руки. Кожа была сухой, шелушилась, трескалась. Она снова забыла купить крем. Но сегодня это не имело значения. Сегодня ее руки были не просто руками — они были инструментами, орудиями, которыми она добыла эти деньги. Они сжали прилавок ломбарда, они показали оценщику, что она не боится, они взяли его за горло и не отпустили, пока он не заплатил. Ее руки были сильными. Она никогда не замечала этого раньше.

Она встала и подошла к столу.

Рюкзак лежал на стуле, который одновременно служил вешалкой. Она расстегнула молнию и заглянула внутрь. Деньги лежали на дне, аккуратно сложенные, перевязанные резинкой, которую дал ей оценщик. Она достала их и пересчитала.

Двадцать купюр. Все на месте.

Она держала их в руках и чувствовала, как внутри разливается холодное, пьянящее чувство уверенности. Это не было счастье. Счастье было слишком теплым, слишком мягким. Это было что-то другое. Это была сила. Сила, которую она не чувствовала никогда в жизни.

Она вспомнила, как вчера стояла в ломбарде, как смотрела в глаза оценщика, как видела его страх. Она вспомнила, как он дрожал, когда она упомянула черную тетрадь. Она вспомнила, как он отсчитывал деньги, и как его руки тряслись. Она сделала это. Она заставила его бояться. Она заставила его платить. Это была не просто победа — это была демонстрация силы.

Она положила деньги обратно в рюкзак и застегнула молнию.

Потом она взяла очки.

Они лежали на столе, рядом с коробкой из-под посылки. Две пары: одна — старая, громоздкая, которую прислал брат, другая — новая, гладкая, сверхъестественная, которую дал Александр. Мира взяла очки «Горизонт». Они были холодными на ощупь, идеально сбалансированными, с легким за-

пахом пластика и металла. Она провела пальцем по оправе, и один из датчиков моргнул зеленым светом, как будто узнал ее.

Она села за стол и посмотрела на себя в зеркало, которое висело на стене напротив.

Отражение было тем же самым. Та же серая женщина с темными кругами под глазами, с жирными волосами, собранными в пучок, с дешевой водолазкой, с катышками, которые она срезала перед Новым годом, но они снова появились. Катышки появлялись, как плохие мысли. Но сегодня Мира смотрела на них и чувствовала, что они ее не касаются. Они были на водолажке, а не на ней.

Она медленно надела очки.

Мир изменился. Теги появились над предметами, как вчера. Но сегодня она не вздрогнула, не испугалась, не подумала, что у нее галлюцинации. Она просто смотрела и читала.

Она перевела взгляд на рюкзак. Над ним появился тег:

[Контейнер. Идентификатор: Добыча. Уровень угрозы: 0%. Содержимое: 2000 USD. Состояние: безопасное].

Она усмехнулась. «Добыча». Очки называли вещи своими именами. Это было не «заработок» и не «подарок». Это была добыча. Она пришла, взяла и ушла. Как хищник.

Она перевела взгляд на холодильник. Над ним появился тег:

[Контейнер. Идентификатор: Пищевой резервуар. Состояние: критическое. Запасы: отсутствуют. Рекомендуются: пополнение в ближайшие 2 часа. Примечание: субъект игнорирует сигналы голода в течение 72 часов].

— Семьдесят два часа? — пробормотала она вслух. — Я не ела три дня?

Она задумалась. Вчера она ела просроченный йогурт. Позавчера — половинку пиццы, которую заказала в субботу. А до этого? До этого был тот же йогурт. Или гречка. Она не помнила. Она вообще перестала следить за тем, что и когда ест. Еда была просто топливом, которое она заливала в организм, когда он начинал отказывать.

Она перевела взгляд на стол. Над ним появился тег:

[Поверхность. Идентификатор: Рабочая зона. Состояние: удовлетворительное. Уровень загрязнения: высокий. Реко-

мендуется: уборка].

Она смотрела на теги и чувствовала, как внутри нее растет понимание. Очки не просто показывали правду — они показывали проблемы. Они показывали то, что нужно исправить. Они были не зеркалом, а инструкцией. Инструкцией к тому, как сделать ее жизнь лучше.

Она снова посмотрела на себя в зеркало. Над ее отражением появился новый тег, который был длиннее и сложнее, чем вчера:

[Субъект: Мира. Идентификатор: Пользователь. Режим: Победитель (временный). Уровень кортизола: 34% (снижение на 60% по сравнению с предыдущим днем). Уровень дофамина: 85% (повышение на 600% по сравнению с предыдущим днем). Уровень стресса: 28% (снижение на 70%). Вероятность рецидива депрессии: 34% (снижена). Ключевая рекомендация: закрепить успех новым действием в ближайшие 24 часа. Примечание: субъект демонстрирует признаки мотивации. Рекомендуется: использовать текущее состояние для создания долгосрочных изменений].

Мира сняла очки и положила их на стол. Она смотрела на них и думала о том, что Александр сказал ей вчера: «Ты увидишь выход. И ты поймешь, что он всегда был там. Ты

просто не могла его видеть».

Она взяла очки в руки и повертела их. Они были тяжелыми, но не слишком. Они были идеально сбалансированными, как будто созданы специально для нее. Она провела пальцем по датчику на дужке, и очки моргнули зеленым светом.

— Это не игрушка, — сказала она вслух. — Это ключ.

Она помолчала, чувствуя, как слова застывают в воздухе.

— Ключ к переговорной силе.

Она положила очки обратно на стол и встала. Ей нужно было двигаться. Ей нужно было действовать. Очки сказали ей, что у нее есть двадцать четыре часа, чтобы закрепить успех. Она не собиралась их тратить.

2. Ревизия запасов

Мира подошла к шкафу. Старому, развалюшному, с дверцей, которая не закрывалась. Из него торчали вещи — джинсы, футболки, пара блузок, которые она купила три года назад на распродаже. Она перебирала их, пытаясь найти что-то

приличное, но все было старым, изношенным, с катышками и пятнами, которые не отстирывались.

Она остановилась и посмотрела на шкаф. Потом надела очки и навела их на него.

[Контейнер. Идентификатор: Шкаф. Состояние: плохое. Дверца: сломана (повреждение механизма). Содержимое: одежда (уровень износа 70%). Рекомендуются: замена в ближайшие 3 месяца. Примечание: субъект игнорирует необходимость обновления гардероба].

— Замена в ближайшие три месяца, — пробормотала она.
— Когда у меня были деньги на замену?

Она закрыла дверцу шкафа и обвела взглядом комнату. Она никогда не замечала, насколько убогой была ее квартира. Она привыкла к ней, как привыкают к запаху, который перестаешь чувствовать через пять минут. Но теперь, когда очки показывали ей реальность, она видела каждую деталь.

Кровать. Старая, с продавленным матрасом и деревянным каркасом, который скрипел при каждом движении. Над кроватью появился тег:

[Мебель. Идентификатор: Кровать. Состояние: плохое.

Уровень износа: 80%. Рекомендуются: замена в ближайшие 2 месяца. Примечание: использование кровати может вызывать проблемы с позвоночником].

— У меня проблемы с позвоночником? — спросила она у очков.

Очки не ответили. Но она вспомнила, как у нее болела спина по утрам. Она думала, что это от сидячей работы. Но, возможно, виновата была кровать.

Она перевела взгляд на стены. Они были покрыты дешевыми обоями, которые начали отклеиваться в углах. Над стеной появился тег:

[Поверхность. Идентификатор: Стена. Состояние: удовлетворительное. Дефекты: обои отклеиваются (3 участка), трещины (17 единиц). Рекомендуются: косметический ремонт].

— Семнадцать трещин, — сказала она. — Я знаю. Я их считала.

Она подошла к кухне. Маленькая, тесная, с плитой, которая работала через раз, и холодильником, который гудел, как умирающее животное. Она открыла холодильник. Внутри было пусто. Только старая упаковка молока, которое про-

кисло неделю назад, и половинка лимона, которая засохла и превратилась в мумию.

Она посмотрела на холодильник через очки:

[Прибор. Идентификатор: Холодильник. Состояние: удовлетворительное. Температура: +6°C. Запасы: отсутствуют. Рекомендуется: пополнение в ближайшие 2 часа].

— Я поняла, — сказала она. — Ты мне уже говорил.

Она закрыла холодильник и посмотрела на кухонный стол. На нем стояла пустая чашка из-под кофе, которую она не мыла уже два дня, и тарелка с остатками гречки, которую она ела в пятницу. Гречка засохла и превратилась в серую корку, которая прилипла к тарелке.

[Поверхность. Идентификатор: Стол. Состояние: удовлетворительное. Уровень загрязнения: высокий. Рекомендуется: уборка].

— Уборка, — повторила она. — В моем списке дел уборка стоит на сто пятом месте после «выжить» и «не сойти с ума».

Она вернулась в комнату и села на кровать. Она посмотрела на телефон, который лежал на тумбочке. Над ним по-

явился тег:

[Устройство. Идентификатор: Смартфон. Состояние: изношено на 70%. Батарея: 15%. Рекомендуется: замена в ближайшие 3 месяца].

Она взяла телефон и открыла приложение банка. На экране высветился баланс: три копейки. Над экраном появился тег:

[Долговая яма. Суммарный минус: 34 000 рублей (приблизительно). Комментарий: субъект находится в критической финансовой зоне. Рекомендуется: немедленное погашение задолженности].

Она смотрела на цифры и чувствовала, как внутри нее поднимается холодный расчет. Тридцать четыре тысячи рублей. Это были ее долги. Квартплата за два месяца, мелкие кредиты, которые она брала, чтобы перекрыть предыдущие, штрафы, которые она не платила, потому что забыла. Тридцать четыре тысячи рублей висели над ней, как дамоклов меч.

Но у нее были две тысячи долларов.

Она открыла конвертер валют в телефоне. Две тысячи

долларов — это примерно сто пятьдесят тысяч рублей по текущему курсу. Она посмотрела на цифры и почувствовала, как внутри нее разливается холодное, ледяное спокойствие. Сто пятьдесят тысяч рублей. Она могла закрыть все свои долги и у нее осталось бы еще сто шестнадцать тысяч.

Сто шестнадцать тысяч рублей.

Она никогда не держала в руках столько денег. Даже когда у нее была работа, даже когда она получала зарплату, у нее никогда не было больше пятидесяти тысяч на счету. Она тратила все на еду, коммуналку, транспорт, кредиты. Она никогда не могла позволить себе откладывать. Она никогда не могла позволить себе копить.

Но теперь у нее было сто шестнадцать тысяч свободных денег.

Она положила телефон на стол и закрыла глаза. Она чувствовала, как внутри нее что-то меняется. Что-то, что она не могла объяснить. Это был не просто расчет. Это было осознание того, что она может управлять своей жизнью. Что она не обязана быть жертвой обстоятельств. Что у нее есть выбор.

Она открыла глаза и посмотрела на рюкзак с деньгами.

— Тогда я была рыбой в сети, — сказала она вслух. — Теперь у меня есть нож, чтобы перерезать леску.

Она вспомнила тот день, два года назад. Она пришла в ломбард с маминым обручальным кольцом. Ей нужно было заплатить за квартиру, иначе ее выселяли. Оценщик посмотрел на кольцо, покрутил его, взвесил и сказал: «Бижутерия. Сто рублей».

Она тогда ничего не сказала. Она взяла сто рублей и ушла. Она заплатила за квартиру, но в ту ночь не спала. Она смотрела в потолок и считала трещины. Она ненавидела себя за то, что позволила обмануть себя. За то, что не нашла сил сказать ему правду. За то, что была слабой.

Теперь она была сильной.

Она вспомнила его лицо, когда она стояла у прилавка и говорила: «Я знаю про вашу черную тетрадь». Она вспомнила, как он побледнел. Как его руки дрожали. Как он смотрел на нее с ненавистью и страхом.

Она улыбнулась.

— Ты думал, что я слабая, — сказала она пустоте. — Но

ты ошибался.

Она встала и подошла к столу. Она взяла очки и снова надела их. Она посмотрела на себя в зеркало.

[Субъект: Мира. Идентификатор: Пользователь. Режим: Победитель (временный). Уровень дофамина: 87%. Уровень стресса: 25%. Ключевая рекомендация: закрепить успех новым действием в ближайшие 24 часа. Примечание: субъект демонстрирует высокий уровень мотивации. Рекомендуется: действовать].

Она сняла очки и положила их на стол.

— Хорошо, — сказала она. — Я буду действовать.

3. Клятва

Мира села на пол.

Это было не случайное движение. Это был осознанный выбор. Она опустилась на колени, потом села на старый ковер, который лежал на полу уже много лет. Ковер был выцветшим, с пятнами, которые не отстирывались, с протерты-

ми местами, где когда-то стояла мебель. Она села на этот ковер и положила перед собой очки и пачку долларов.

Она смотрела на них и чувствовала, как внутри нее что-то нарастает. Слова. Слова, которые она никогда не говорила вслух. Слова, которые она прятала глубоко внутри, в том месте, которое она называла «складом ненужных эмоций».

Она начала говорить.

Сначала ее голос был хриплым, сдавленным, как будто она говорила через силу. Но постепенно он набирал силу, становился громче, увереннее.

— Я сижу в этой квартире уже два года, — сказала она. — Я плачу за нее деньги, которые у меня есть. Я не могу ее бросить, потому что у меня нет другого места. Я не могу ее улучшить, потому что у меня нет на это сил.

Она посмотрела на потолок. Семнадцать трещин смотрели на нее сверху, как семнадцать глаз.

— Я работаю на работе, которую ненавижу, — продолжила она. — Я ненавижу начальника, который не видит во мне человека. Я ненавижу клиентов, которые не умеют пользоваться клавиатурой. Я ненавижу коллег, которые улыбаются

и притворяются, что им нравится эта жизнь.

Она перевела взгляд на очки, которые лежали перед ней.

— Я ненавижу себя за то, что позволила себе дожить до этого. За то, что я не ушла раньше. За то, что я не боролась. За то, что я была слабой.

Она замолчала. В комнате было тихо. Слышно было только гудение холодильника на кухне и звук дрели сверху — соседи снова сверлили, как будто напоминали ей, что мир не остановился и не остановится ради нее.

Она посмотрела на деньги. Две тысячи долларов лежали перед ней, как доказательство того, что она может победить. Что она сильнее, чем думала.

Она снова заговорила, и ее голос теперь был твердым, как камень.

— Я выйду из этого говна, — сказала она. — Я выйду из этой квартиры, из этой работы, из этой жизни. Это моя последняя зима в этой дыре. Я не буду здесь жить через год. Я не буду здесь жить через месяц. Я выйду отсюда, и я никогда не вернусь.

Она посмотрела на очки.

— Это мой ключ. Я буду использовать его, чтобы открывать двери. Я буду использовать его, чтобы видеть правду. Я буду использовать его, чтобы побеждать.

Она перевела взгляд на деньги.

— Это моя свобода. Я буду использовать их, чтобы выбраться. Я буду использовать их, чтобы строить новую жизнь.

Она подняла голову и посмотрела в потолок. Семнадцать трещин смотрели на нее, как семнадцать свидетелей.

— Я клянусь, — сказала она. — Я клянусь себе, что я выйду из этого говна. Я клянусь, что я больше никогда не буду жертвой. Я клянусь, что я буду бороться. Я клянусь, что я выиграю.

Она замолчала. Ее голос эхом разнесся по комнате, отразился от стен, от потолка, от пола. Она чувствовала, как слова проникают в нее, как они становятся частью ее, как они меняют ее изнутри.

Она взяла очки в руки. Они были холодными, гладкими,

идеально сбалансированными. Она смотрела на них и чувствовала, как они становятся продолжением ее руки, ее глаза, ее ума.

Она больше не была пассивным пользователем. Она больше не была жертвой системы. Она была оператором. Она была хакером. Она была тем, кто управляет системой, а не тем, кем система управляет.

Она говорила себе, что отныне она — оператор системы. Она будет видеть баги, которые другие не замечают. Она будет находить ошибки, которые другие пропускают. Она будет использовать эти ошибки, чтобы побеждать. Она больше не будет играть по правилам. Она будет создавать свои собственные правила.

Она дала себе задание: за неделю закрыть все долги. За неделю найти точку входа в «Горизонт», чтобы получить полноценную должность. Она больше не будет подопытной. Она будет партнером. Она будет союзником. Она будет тем, кто помогает строить новую реальность.

Она положила очки на пол и взяла деньги. Она пересчитала их снова. Двадцать купюр. Все на месте.

— Спасибо, Макс, — сказала она. — Спасибо, что ты не

бросил меня.

Она вспомнила брата. Его улыбку, его энтузиазм, его веру в то, что мир можно изменить. Она всегда завидовала его способности верить. Но теперь она знала, что он был прав. Мир можно изменить. Нужно только знать, как.

Она встала с пола. Ее колени затекли, но она не обращала на это внимания. Она собрала очки и деньги, положила их в рюкзак и застегнула молнию.

— Я готова, — сказала она. — Я готова к следующему шагу.

4. Планирование следующего удара

Мира села за стол и открыла ноутбук. Он загружался долго, как всегда. Пять минут она смотрела на экран, где ползла цветная полоска загрузки, и думала о том, что это точно так же медленно, как ее жизнь. Но теперь она знала, что может ускорить процесс.

Когда ноутбук загрузился, она открыла браузер и начала искать информацию о «Горизонте». Она хотела узнать, что

это за компания, кто ее основал, какие у нее цели. Но информации было мало. Только несколько статей в деловых журналах, которые говорили о «перспективном стартапе», «инновационной технологии» и «будущем дополненной реальности». Никаких конкретных деталей. Никаких имен. Никаких дат.

Она закрыла браузер и задумалась. «Горизонт» был загадкой. Но это не имело значения. Ей не нужно было знать все сейчас. Ей нужно было действовать.

Она достала очки и надела их. Она посмотрела на свой ноутбук. Над ним появился тег:

[Устройство. Идентификатор: Ноутбук. Состояние: плохое. Уровень износа: 85%. Рекомендуется: замена в ближайший месяц].

— Замена в ближайший месяц, — пробормотала она. — Это как раз совпадает с моим планом.

Она перевела взгляд на рюкзак. Над ним появился тег:

[Контейнер. Идентификатор: Добыча. Уровень угрозы: 0%. Содержимое: 2000 USD, очки «Горизонт». Состояние: безопасное].

Она посмотрела на себя в зеркало. Над ее отражением появился тег:

[Субъект: Мира. Идентификатор: Пользователь. Режим: Планирование. Уровень дофамина: 82%. Уровень стресса: 30%. Ключевая рекомендация: действовать в ближайшие 6 часов. Примечание: субъект демонстрирует высокий уровень мотивации].

— Шесть часов, — сказала она. — У меня есть шесть часов, чтобы что-то сделать.

Она начала думать. Что она может сделать за шесть часов? Она могла пойти в банк и закрыть долги. Она могла пойти в магазин и купить еду. Она могла пойти в офис и уволиться.

Но она понимала, что это не решит проблему. Это было временное решение. Ей нужно было что-то более долгосрочное. Ей нужно было создать источник дохода, который позволит ей не возвращаться в это болото.

Она вспомнила свою работу. Вспомнила Лену. Вспомнила начальника. Вспомнила коллег. Они были частью системы, которая ее уничтожала. Но они также были частью системы, которую она могла использовать.

Она достала свой блокнот. Черный, с оторванной обложкой, на которой было написано «Баг-репорты». Она открыла его и начала писать.

Она написала список людей, с которыми работала. Лена, Коля, Сергей, другие сотрудники. Она вспомнила их лица, их голоса, их привычки. Она вспомнила, как Лена улыбается, когда говорит о своей работе. Как Коля чавкает, когда ест пирожки. Как Сергей смотрит на нее с подозрением, когда она шутит.

Она надела очки и посмотрела на список. Очки не показывали теги на бумаге — они показывали только реальные объекты. Но она могла использовать их для анализа. Она могла представить, что видит этих людей, и очки покажут ей их слабые места.

Она закрыла глаза и представила Лену. Лена сидела на своем месте, грызла яблоко и листала Instagram. Она была молода, наивна, оптимистична. Она верила в то, что все будет хорошо. Она верила в то, что мир — это хорошее место.

Она открыла глаза и посмотрела в пустоту. Очки не показывали ничего, потому что Лены не было в комнате. Но Мира знала, что очки показали бы, если бы Лена была здесь.

Она знала, что очки показали бы, что Лена — это «Зефирка». Сладкая, мягкая, беззащитная.

Она закрыла глаза и представила Колю. Он сидел на своем месте, смотрел в монитор и жевал пирожок. Он был старше, более опытный, более циничный. Но он тоже был частью системы. Он тоже боялся увольнения. Он тоже ненавидел свою работу, но не признавался в этом.

Она представила Сергея. Он стоял у окна с чашкой кофе и смотрел на них сверху вниз. Он был начальником, но он не был лидером. Он был просто менеджером, который боялся потерять свою должность. Он боялся, что его заменят. Он боялся, что его уволят. Он боялся, что он не справится.

Мира открыла глаза и посмотрела на свой блокнот. Она написала под каждым именем список слабых мест.

Лена: наивность, желание нравиться, страх быть отвергнутой.

Коля: страх увольнения, зависимость от работы, отсутствие амбиций.

Сергей: страх потери власти, страх неудачи, зависимость от KPI.

Она посмотрела на этот список и почувствовала, как внут-

ри нее растет понимание. Она могла использовать эти слабые места. Она могла использовать их, чтобы получить то, что ей нужно.

Но что ей было нужно?

Она задумалась. Ей нужны были деньги, свобода, возможность двигаться дальше. Она не могла получить это, просто используя слабые места своих коллег. Она должна была использовать их, чтобы создать систему, которая работает на нее.

Она вспомнила, что Александр сказал о «Горизонте»: «Мы создаем дополненную реальность для диагностики. Чтобы люди могли видеть реальность такой, какая она есть».

Мира посмотрела на очки и поняла, что это может быть ее ключом. Если она сможет использовать очки, чтобы показать людям их слабые места, она сможет получить власть. Она сможет диктовать условия. Она сможет строить свою жизнь по своим правилам.

Она закрыла блокнот и положила его в рюкзак.

Она решила, что сегодня в офис она пойдет не как рабыня, а как разведчик. Ее цель — не работать, а наблюдать.

Просканировать начальника, коллег, сам офис. Найти слабые места системы, в которой она застряла.

Она взяла очки и посмотрела на них.

— Сегодня ты покажешь мне все, — сказала она. — Сегодня ты будешь моим глазами.

5. Перемены в офисе

Когда Мира вошла в офис, было уже почти одиннадцать. Она опоздала на три часа. Обычно она нервничала, когда опаздывала. Обычно она чувствовала вину. Но сегодня она не чувствовала ни вины, ни страха. Она чувствовала только холодное любопытство.

Она прошла через open-space, мимо серых столов, зеленых фикусов и мертвенно-бледных ламп дневного света. Она чувствовала на себе взгляды коллег. Они смотрели на нее с удивлением. Она никогда не опаздывала так сильно. Она никогда не выглядела так... по-другому.

Мира села на свое место. Угловой стол у стены. За спиной была стена, и никто не мог подкрасться сзади. Она включи-

ла компьютер и надела гарнитуру. Но вместо того чтобы открыть почту, она достала очки и надела их.

Она посмотрела на офис. Теги появились над всем. Над столами, над компьютерами, над людьми.

Она посмотрела на Лену. Она сидела на своем месте, грызла яблоко и листала Instagram. Над ней появился тег:

[Субъект: Лена. Идентификатор: Сотрудник. Состояние: удовлетворительное. Уровень стресса: 45%. Уровень счастья: 70%. Уровень лжи: 15%. Рекомендация: продолжать текущую деятельность].

Мира усмехнулась. Семьдесят процентов счастья. Лена была счастлива. Она не знала, что мир — это помойка. Она не знала, что ее улыбка ничего не изменит. Она была слепа. Но Мира больше не завидовала ей. Она видела ее слабость.

Она посмотрела на Колю. Он сидел на своем месте, жевал пирожок и смотрел в монитор. Над ним появился тег:

[Субъект: Николай. Идентификатор: Сотрудник. Состояние: удовлетворительное. Уровень стресса: 60%. Уровень счастья: 40%. Уровень лжи: 30%. Рекомендация: сменить обстановку].

Мира смотрела на тег и думала о том, что Коля был несчастлив. Он боялся увольнения. Он боялся, что его заменят. Он боялся, что он не справится. Но он не признавался в этом. Он прятал свои страхи за пирожками и работой.

Она посмотрела на пустое место справа от Коли. Туда никто не садился. Это место было проклятым. Или просто никому не хотелось сидеть в этом углу.

Она перевела взгляд на кабинет Сергея. Он сидел за столом и смотрел в монитор. Над ним появился тег:

[Субъект: Сергей. Идентификатор: Руководитель. Состояние: удовлетворительное. Уровень стресса: 75%. Уровень счастья: 25%. Уровень лжи: 40%. Рекомендация: делегировать полномочия].

Мира смотрела на тег и чувствовала, как внутри нее растет понимание. Сергей был в панике. Он боялся, что не справится с планом. Он боялся, что его уволят. Он боялся, что он не оправдает ожиданий. Он был слаб. И его слабость была ее силой.

Она сняла очки и положила их в рюкзак. Она не хотела, чтобы кто-то заметил их. Она не хотела, чтобы кто-то зада-

вал вопросы.

Она открыла почту. Сто пятьдесят непрочитанных писем. Она начала просматривать их, но не отвечала. Она просто читала. Искала что-то, что могло быть полезным.

Вдруг она услышала шаги. Это был Сергей. Он вышел из кабинета и направился к ней. Его лицо было напряженным, как всегда.

— Мира, — сказал он. — Можно тебя на минуту?

Она встала и пошла за ним. Она чувствовала его напряжение. Она видела, как он сжимает чашку с кофе, как его пальцы побелели. Он был на грани.

Она зашла в его кабинет и села на стул, на котором сидела вчера. Он сел за стол и посмотрел на нее.

— Ты сегодня опоздала, — сказал он. — На три часа. Это недопустимо.

— Я знаю, — ответила она спокойно. — У меня были личные обстоятельства.

Он нахмурился. Он не привык к такому тону. Обычно она

извинялась. Обычно она оправдывалась. Но сегодня она просто констатировала факт.

— Это не может повториться, — сказал он. — У нас серьезные планы. Мы должны показать результат.

— Я знаю, — повторила она. — Я сделаю все, что нужно.

Он смотрел на нее с подозрением. Он чувствовал, что что-то изменилось. Но он не мог понять, что именно.

— Хорошо, — сказал он. — Возвращайся к работе.

Она встала и вышла из кабинета. Она чувствовала его взгляд на своей спине. Он был растерян. Он был напуган. Он не знал, что делать с новой Мирой.

Она села на свое место и надела гарнитуру. Она открыла блокнот и написала:

Баг-репорт № 487:

- Описание: начальник испытывает стресс.
- Ожидаемое поведение: сохранять спокойствие.
- Наблюдаемое поведение: паникует.
- Комментарий: боится увольнения.
- Статус: не исправлен. Может быть использован.

Она закрыла блокнот и улыбнулась. Теперь она знала, что у нее есть рычаги. Она знала, что она может использовать слабости своих коллег. Она знала, что она может победить.

6. Подготовка к следующему шагу

Вечером, когда офис опустел, Мира все еще сидела на своем месте. Она не работала. Она наблюдала. Она смотрела на то, как уходят коллеги. Как Лена собирает свои баночки с пюре. Как Коля доедает последний пирожок. Как Сергей закрывает свой кабинет и уходит, не попрощавшись.

Она ждала. Она знала, что должна сделать что-то важное. Но она не знала, что именно.

Она достала очки и надела их. Она посмотрела на пустой офис. Теги появились над всем. Над столами, над компьютерами, над стенами.

Она посмотрела на кабинет Сергея. Над ним появился тег:

[Кабинет. Идентификатор: Руководитель. Состояние: удовлетворительное. Уровень загрязнения: низкий. Рекоменда-

ция: провести уборку].

Она посмотрела на коридор. Над ним появился тег:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.